

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛОБАНОВА Юлия Романовна

Выпускная квалификационная работа

**Прагматические аспекты аудиовизуального перевода юридических
метафор (на материале телевизионных сериалов)**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5645. «Юридический перевод»
Профиль «Юридический перевод»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра английской
филологии и перевода,
Абдульманова Аделя Хамитовна

Рецензент:
доцент, ФГБОУВО
«Санкт-Петербургский
государственный
экономический
университет»,
Трошина Александра Валерьевна

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Юридические метафоры в аспекте аудиовизуального перевода.....	6
1.1 Понятие аудиовизуального перевода.....	6
1.2 Общая характеристика юридического дискурса.....	13
1.3 Юридические термины как базовые компоненты юридического дискурса.....	21
1.4 Понятие метафоры. Юридическая метафора как часть юридической терминологии.....	27
1.5 Стратегии перевода юридических метафор.....	33
Выводы по главе 1.....	41
Глава 2. Способы аудиовизуального перевода юридической метафоры.....	43
2.1 Перевод метафоры с сохранением образа.....	44
2.2 Перевод метафоры, основывающийся на ином схожем образе.....	52
2.3 Перевод метафоры, основывающийся на отличном образе.....	54
2.4 Дословный перевод метафоры.....	57
2.5 Перевод метафоры путём неметафорического объяснения.....	64
2.6 Опускание или замена метафоры.....	70
Выводы по главе 2.....	82
Заключение.....	84
Список использованной литературы.....	85
Список источников материала.....	95
Список сокращений.....	100
Приложение «Способы перевода терминов-метафор».....	101

Введение

Данная работа посвящена выявлению и изучению основных способов аудиовизуального перевода юридических метафор, а также анализу существующих переводов терминов-метафор с английского языка на русский на материале телевизионных сериалов жанра юридической драмы.

Актуальность работы обусловлена всплеском популярности телевизионных сериалов жанра юридической драмы среди российских зрителей. Возросшая потребность в грамотном и качественном аудиовизуальном переводе обуславливает необходимость исследования специфики и методов перевода юридической метафоры, часто встречающейся в речи персонажей.

Научная новизна исследования заключается в том, что в существующих работах, посвящённых аудиовизуальному переводу телевизионных сериалов, юридические метафоры ещё не получили должного освещения.

Объектом исследования являются англоязычные юридические метафоры как часть юридической терминологии.

Предметом исследования являются способы аудиовизуального перевода юридических метафор.

Цель настоящей работы – определить основные способы аудиовизуального перевода юридических метафор на материале существующих вариантов перевода телесериалов с английского языка на русский.

В свете поставленной цели были определены следующие **задачи**:

1. выявить основные особенности аудиовизуального перевода как особого вида переводческой деятельности;
2. дать сущностную характеристику юридическому дискурсу и его базовому компоненту – юридической терминологии;
3. охарактеризовать понятие метафоры;

4. определить сущность юридической метафоры и её место в системе юридической терминологии;
5. рассмотреть специфику аудиовизуального перевода юридических терминов и юридических метафор;
6. провести анализ существующих переводов телевизионных сериалов с английского языка на русский и определить основные способы аудиовизуального перевода юридических метафор.

В соответствии с поставленными задачами были использованы такие **методы исследования**, как комплексный теоретический анализ, метод сплошной выборки, анализ словарных дефиниций, сопоставительный метод, метод переводческого анализа, контекстный анализ.

Теоретической основой настоящей работы послужили исследования, посвящённые вопросам аудиовизуального перевода (Н.К. Гарбовский, В.Е. Горшкова, А.В. Козуляев, Е.Д. Малёнова, П. Палажченко, А. Чужакин, J. Díaz-Cintas, J. Neves, Y. Gambier и др.), вопросам изучения юридического дискурса (К.Г. Ибрагимова, С.В. Калашникова, В.И. Карасик, О.В. Косоногова, И.В. Палашевская, Л.В. Ступникова, Т.В. Ускова, Heikki E.S. Mattila, M. Harvey и др.), терминоведения (Б.Н. Головин, С.В. Гринев-Гриневиц, Р.Ю. Кобрин, В.Н. Комиссаров, Н.Н. Лыкова, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, С.П. Хижняк и др.), метафоры и метафорического терминообразования (Л.М. Алексеева, И.А. Гаврилова, А.А. Ефремов, M. Black, M. Johnson, G. Lakoff, I.A. Richards и др.), а также частным вопросам перевода юридических метафор (А.И. Деева, В.Н. Комиссаров, А.Л. Коралова, К.М. Левитан, Н.А. Мишанкина, N. Mandelblit, P. Newmark и др.).

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в том, что результаты, полученные в ходе исследования, позволят внести определённый вклад в дальнейшее развитие юридического терминоведения, что будет способствовать расширению представления о принципах перевода юридических метафор.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его теоретические результаты и собранный практический материал могут быть использованы при создании англо-русского юридического словаря, при разработке учебных пособий для практических занятий по юридическому переводу, при аудиовизуальном переводе различных телесериалов на юридическую тематику. Материалы исследования могут быть также полезны для практикующих переводчиков в области юридического перевода.

Материалом исследования послужили 310 примеров использования юридических метафор, собранных методом сплошной выборки из англоязычных телесериалов жанра юридической драмы, и их переводы на русский язык.

Структура работы. Настоящая работа состоит из введения, теоретической главы, в которой освещаются основные теоретические положения исследования, раскрываются понятия аудиовизуального перевода, юридического дискурса, юридического термина, юридической метафоры, рассматриваются стратегии перевода юридической метафоры, практической главы, содержащей сопоставительный анализ собранного корпуса примеров перевода юридических метафор с английского языка на русский и описание основных способов их аудиовизуального перевода, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Глава 1. Юридические метафоры в аспекте аудиовизуального перевода

1.1 Понятие аудиовизуального перевода

За последние 10-15 лет аудиовизуальные тексты (художественные и документальные фильмы, телесериалы, мультфильмы, рекламные ролики, театральные постановки, новостные выпуски, видеоигры и т.д.) стали неотъемлемой частью жизни любого современного человека. Стремительное развитие технологий, в частности сети Интернет, а также запуск различных потоковых и мультимедийных сервисов привели к тому, что теперь зрители могут получить доступ к аудиовизуальным произведениям в любое время дня и ночи, в любом месте и с любого устройства. Более того, объёмы аудиовизуального контента, выпускаемого студиями, телеканалами и частными лицами, постоянно растут. Миллиарды часов различной аудиовизуальной продукции переводятся на разные языки, в том числе и на русский. Как отмечает Е.Д. Малёнова, «более 70% всего аудиовизуального контента, демонстрируемого в России, импортируется» (Малёнова 2019: 64). При этом по целому ряду направлений сотрудничества (напр., страны Ближнего Востока, Китай) закупка продукции практически не ведётся по причине отсутствия квалифицированных переводчиков (Козуляев 2019). Всё это обуславливает необходимость теоретического осмысления специфики аудиовизуального перевода.

Несмотря на то, что началом профессиональной практики аудиовизуальных переводчиков можно считать период расцвета мирового кинематографа (1950-1960-е гг.), данный вид перевода стал центром пристального внимания исследователей в области лингвистики и переводоведения только в конце XX – начале XXI века, а сам термин «аудиовизуальный перевод» возник в арсенале этих наук лишь в начале 2000-х гг. (Малёнова 2019). Такой запоздалый интерес к аудиовизуальному переводу отчасти объясняется тем, что довольно долгое время учёные не

могли прийти к единому мнению относительно того, какое место он занимает в классификации видов перевода. Так, например, А.П. Чужакин и П.Р. Палажченко рассматривают его как вид устного перевода, но при этом отмечают, что он сочетает в себе черты синхронного, последовательного и письменного перевода (Чужакин, Палажченко 1999). По мнению исследователей, необходимость передачи авторской идеи, стиля и характера оригинального произведения, а также возможность творческого подхода к переводу аудиовизуальных текстов сближают аудиовизуальный перевод с художественным переводом. Аналогичную мысль можно найти и в работах Н.К. Гарбовского. Автор считает, что аудиовизуальный перевод, в частности субтитрование, является разновидностью устно-письменного или письменно-устного перевода (Гарбовский 2007). Довольно часто встречаются мнения о том, что аудиовизуальный перевод является разновидностью художественного (литературного) перевода (Горшкова 2016, Лутков 2016, Матасов 2009, Karamitroglou 2000).

Лишь в середине 2000-х гг., ввиду всплеска интереса к проблемам аудиовизуального перевода и появления большого количества исследовательских работ, написанных практикующими переводчиками и специалистами в данной области, лингвисты и переводоведы осознали необходимость выделения аудиовизуального перевода в отдельную дисциплину, требующую собственного методологического и понятийного аппарата, отличного от того, что используется при изучении письменного или устного перевода. Так, например, Х. Диаз-Синтас отмечает, что такие виды аудиовизуального перевода, как дублирование, субтитрование или закадровый перевод, «не являются вариантами художественного, драматургического или поэтического перевода, а представляют собой виды перевода, в рамках которых переводчик работает с текстом более высокого порядка – аудиовизуальным текстом, который можно противопоставить как письменному, так и устному текстам» (Díaz-Cintas 2009: 6).

О важности рассмотрения аудиовизуального перевода как отдельного, самостоятельного направления переводческой деятельности пишет и А.В. Козуляев. По мнению исследователя, такое выделение обосновано несколькими факторами: 1) в процессе аудиовизуального перевода переводчик сталкивается с рядом ограничений, характерных лишь для данного вида перевода; ему приходится учитывать внешние по отношению к языку и коммуникативной ситуации ограничения; 2) аудиовизуальные произведения характеризуются полисемантичностью и поликодовостью; 3) для осуществления аудиовизуального перевода переводчику необходимо иметь знания о различных стратегиях семантического анализа и семантического синтеза, учитывать характер и объёмы информации, поступающей по параллельным каналам восприятия (Козуляев 2013).

Выделение аудиовизуального перевода в отдельное направление, обладающее своими характерными чертами, привело к смене исследовательских парадигм. Так, до недавнего времени в науке преобладал лингвоцентрический (текстоцентрический) подход, в рамках которого аудиовизуальный перевод определялся как «литературная межъязыковая обработка содержания оригинальных монтажных листов с последующей ритмической укладкой переводного текста и его озвучивания или введения в видеоряд в форме субтитров» (Матасов 2009: 7) или как «процесс переноса вербальной составляющей аудиовизуальных произведений и продуктов с одного языка на другой» (Matkivska 2014: 38). Однако, как отмечают многие исследователи, такой подход препятствует правильному пониманию сущности аудиовизуального перевода, при котором «значительное влияние на результат оказывают иные семиотические системы, прочно связанные с текстовой составляющей: визуальный синтаксис, видеоряд, шумомузыкальный ряд, значимые надписи и пр.» (Малёнова 2017: 34).

В настоящее время при определении понятия «аудиовизуальный перевод» большинство исследователей стали уделять основное внимание полисемиотичности; в некоторых исследованиях также используются

термины «мультиmodalность» (Козуляев 2019), «поликодовость» (Кустова 2015) аудиовизуального текста. Так, например, Ж. Невес утверждает, что аудиовизуальные тексты представляют собой полисемиотические конструкты, смысл которых создаётся посредством взаимодействия множества кодов (Neves 2005). Автор отмечает, что в структуре аудиовизуального текста можно выделить кинематографические коды, которые присущи лишь данному типу текста, такие как жанр, операторская работа (размер кадра, фокус, угол, выбор объектива, движение объектива, движение камеры, композиция, смена ракурса), монтажная работа (скорость смены кадров, затемнение изображения), освещение, цветовая гамма, звуковая работа (саундтрек, музыка), специальные эффекты, а также стиль повествования. Помимо этого, они также могут включать в себя дополнительные коды, встречающиеся и в других типах текстов, например, речь персонажей, жесты, образы персонажей, интерьер и т.д. (Neves 2005).

Мысль о полисемиотичности аудиовизуального текста встречается также и в работах И. Гамбье, который выделяет 14 семиотических кодов, передающихся по четырём каналам: вербальному аудиальному, вербальному визуальному, невербальному аудиальному и невербальному визуальному (Gambier 2019). Совокупность этих кодов способствует построению смысла аудиовизуального произведения и достижению задуманного создателями эмоционального эффекта. Таким образом, можно сделать вывод о том, что восприятие аудиовизуальной продукции – сложный процесс. Реципиенты текстов одновременно являются и зрителями, и слушателями, и читателями и обрабатывают поступающую информацию на различных уровнях декодирования.

Особенность взаимодействия семиотических кодов и роль, которую они играют в формировании смысла, необходимо учитывать в процессе перевода аудиовизуального произведения. Несомненно, переводчики должны уделять пристальное внимание вербальной составляющей аудиовизуального продукта. Однако им также необходимо внимательно изучать аудиовизуальную

ситуацию, взаимоотношения и развитие персонажей, их индивидуальные коммуникативные стратегии, взаимодействие визуальных и аудиальных образов (Díaz-Cintas 2009). А.В. Козуляев отмечает, что от аудиовизуального переводчика также требуется знание законов построения видеоряда, логики построения сценариев и особенностей технических ограничений, накладываемых теми или иными видами аудиовизуального перевода (Козуляев 2019). Так, например, в некоторых случаях переводчику необходимо преобразовать свой перевод таким образом, чтобы синхронизировать текст и видеоряд, звук и мимику или уложиться во временные рамки произведения.

Разного рода ограничения приводят к тому, что при переводе эквивалентность на уровне языковых знаков может отходить на задний план. Главной целью аудиовизуального перевода становится достижение так называемой динамической эквивалентности.

Впервые термин «динамическая эквивалентность» употребил американский лингвист Ю. Найда. В своих работах исследователь выделяет два вида переводческой эквивалентности: формальную и динамическую (Nida 1964). Формальная эквивалентность ориентирована на оригинал и ставит своей целью максимально точно передать форму и содержание исходного текста. Динамическая же эквивалентность ориентирована на реципиентов и призвана обеспечить равное воздействие оригинала и перевода. Другими словами, связь между переведённым текстом и реципиентом должна быть аналогична той, что существует между оригиналом и его получателями.

Так, в аудиовизуальном переводе динамическая эквивалентность между оригинальным аудиовизуальным текстом и его переводной версией достигается в тех случаях, когда перевод оказывает на получателя воздействие равное тому, которое производит оригинал на носителей исходного языка и исходной культуры. Следовательно, об успешности перевода можно говорить тогда, когда вербальные составляющие аудиовизуального текста (будь то

реплика или диалог), даже отличаясь от оригинальных по форме или содержанию, выполняют те же сюжетные и прагматические функции.

Таким образом, рассматривая аудиовизуальные тексты с точки зрения их полисемиотичности и полисемантической, а также принимая во внимание необходимость достижения динамической эквивалентности, А.В. Козуляев приходит к следующему определению аудиовизуального перевода: «аудиовизуальный перевод – это создание нового полисемантического единства на языке-реципиенте на основе единства, существовавшего на исходном языке, причём таким образом, чтобы новое полисемантическое единство стало элементом культуры языка-реципиента и не было ему чуждо» (Козуляев 2015: 13).

Более развёрнутое определение предлагает Е.Д. Малёнова. Она определяет аудиовизуальный перевод как «процесс декодирования и передачи вербального и невербального компонентов полисемиотического единства аудиовизуального произведения посредством различных языковых средств, в результате чего создаётся новый вербальный компонент этого единства, пригодный к дальнейшей обработке (субтитрованию, озвучиванию, локализации и т.п.) с учётом общего контекста произведения, особенностей принимающей культуры, особенностей восприятия контента его реципиентами и функциональных ограничений, накладываемых каждым отдельным видом перевода» (Малёнова 2019: 71).

Многоплановость аудиовизуального перевода также проявляется и в разнообразии его видов. Традиционно исследователи выделяют три основных вида аудиовизуального перевода. В классификации А.В. Козуляева они располагаются по нарастающей сложности и целостности процесса семантического синтеза (Козуляев 2013):

1. Перевод для закадрового озвучивания (псевдодубляж, войсовер). При закадровом озвучивании оригинальная звуковая дорожка не заменяется новой, а слегка приглушается. Сам перевод накладывается сверху на оригинальный текст, причём зачастую актёром озвучки выступает сам

переводчик. Как отмечает А.В. Козуляев, в процессе подготовки текста для закадрового озвучивания переводчик практически не сталкивается с ограничениями, вызванными невербальной составляющей произведения, поскольку актёр озвучки, зачитывающий перевод, имеет возможность ускорять темп своей речи (Козуляев 2013). Среди основных трудностей данного вида аудиовизуального перевода отмечают необходимость укладки переведённого текста в кадр и важность точной передачи эмоционального аспекта аудиовизуального произведения (Алексеева 2004);

2. Перевод для субтитрирования. Субтитрирование представляет собой сокращённый перевод вербальной составляющей аудиовизуального произведения, отражающий его основное содержание и сопровождающий оригинальный видеоряд в виде печатного текста, как правило, в нижней части экрана (Горшкова 2006). В рамках данного вида перевода переводчик сталкивается с рядом серьёзных ограничений: а) необходимостью уместить перевод в ограниченное количество строк (не более двух) и знаков (не более 40), а также во временные рамки звучания речи каждого персонажа; б) привязкой смены субтитров к смене планов в кадре; в) технологическими особенностями отображения субтитров на устройствах разного формата, например, на гаджетах с относительно маленькими экранами (Козуляев 2013). Это приводит к тому, что в процессе подготовки текста к субтитрированию переводчик вынужден прибегать к таким приёмам, как компрессия и опущение. В первую очередь из текста удаляются все избыточные элементы (обращения; формулы вежливости; повторы; пространственно-временные маркеры, отражаемые видеорядом; маркеры модальности; заполнители пауз; междометия и т.д.), затем для оставшегося материала подбираются наиболее ёмкие формы выражения, не противоречащие грамматическому оформлению и стилю оригинала (Горшкова 2006). Субтитрирование также имеет свои несомненные плюсы: оно не такое затратное, как закадровый перевод и дубляж, и позволяет просматривать аудиовизуальные произведения людям с нарушениями слуха;

3. Перевод для дубляжа (липсинг/липсинк). Дублирование представляет собой полную замену оригинальной речевой дорожки фонограммой на языке перевода. Основное внимание при переводе для дубляжа уделяется синхронизации мимики, артикуляции, жестикуляции, темпа и продолжительности речи говорящего с фонетическим образом переведённого текста (Козуляев 2013). При этом важно также учитывать расположение говорящего в кадре, поскольку крупные планы требуют обязательную синхронизацию слоговой артикуляции, в то время как средние, общие и дальние планы позволяют переводчику более «свободно» подходить к переводу аудиовизуального текста (Матасов 2009). Несмотря на то, что дублирование является самым затратным способом перевода аудиовизуальных текстов, оно имеет значительное преимущество по сравнению с другими видами аудиовизуального перевода, поскольку позволяет максимально близко адаптировать аудиовизуальное произведение к принимающей культуре.

Помимо трёх основных направлений, исследователи также выделяют такие виды аудиовизуального перевода, как аудиодескрипция (*audio description*), субтитрирование для глухих и слабослышащих (*subtitling for the deaf and hard-of-hearing (SDH)*), создание субтитров в реальном времени (*live subtitling*), сурдоперевод, создание надтитров для оперных спектаклей и театральных постановок, трёхмерное субтитрирование (Малёнова 2019).

1.2 Общая характеристика юридического дискурса

В рамках настоящего исследования нас интересуют особенности передачи юридических метафор в аудиовизуальных текстах. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению специфики их аудиовизуального перевода с одного языка на другой, нам необходимо сначала дать определения таким важным для нас понятиям, как «юридический дискурс», «юридический термин», «юридическая метафора».

Интерес учёных к феномену дискурса возник почти полвека назад, однако исследования в данной области остаются актуальными и по сей день. Отчасти это объясняется тем, что понятие «дискурс» имеет множество различных трактовок и типологий.

Одни учёные (Т. ван Дейк, В.З. Демьянков, А.Е. Кибрик, В. Кинч, И.М. Кобозева и др.) рассматривают дискурс как продукт речевой деятельности, характеризующийся смысловой однородностью, привязанностью к конкретной ситуации и контексту, актуальностью, жанровой, социальной и идеологической принадлежностью (Темнова 2004). Другие (О.В. Александрова, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова и др.) определяют дискурс как вербализованную деятельность, соотнесённую с целым слоем культуры, социальной общности и историческим периодом (Темнова 2004).

Исходя из такого широкого спектра подходов к трактовке данного явления, Т. ван Дейк предлагает два основных определения дискурса. Согласно его концепции, дискурс в широком смысле – это комплексное коммуникативное событие, происходящее между участниками коммуникативного акта в контексте конкретного времени и места (Van Dijk 1998). Данный коммуникативный акт может быть письменным или речевым, а также может сочетать в себе вербальные и невербальные аспекты (жесты, мимику, позы). Типичным примером дискурса в данном случае будет являться разговор друзей за ужином, диалог между доктором и пациентом, чтение новостной колонки в газете.

Дискурс в узком смысле – это вербальная составляющая письменного или речевого коммуникативного акта; текст или разговор (Van Dijk 1998). В данном случае под дискурсом подразумевается завершённый или все ещё продолжающийся продукт речевого действия, письменный или речевой результат, интерпретируемый реципиентами. Таким образом, можно сказать, что дискурс представляет собой речевой или письменный вербальный продукт коммуникативного акта.

Некоторые современные учёные-лингвисты отождествляют дискурс с текстом (Темнова 2004, Руднев 2001). Однако для этого необходимо, чтобы данный текст состоял из таких коммуникативных единиц языка, которые бы находились в непрерывной смысловой связи. Другими словами, дискурс – это «не только связная последовательность предложений, противопоставляемая изолированному предложению, но и определённое семантическое единство, обладающее семантической связностью (когезией)» (Темнова 2004: 26).

Аналогичная мысль представлена в работах Ю. Руднева: «Дискурс – такое измерение текста, взятого как цепь/комплекс высказываний (т.е. как процесс и результат речевого (коммуникативного) акта), которое предполагает внутри себя синтагматические и парадигматические отношения между образующими систему формальными элементами и выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания, ограничивающие потенциальную неисчерпаемость значений текста» (Руднев 2001).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятию дискурс характерна некая двуплановость.

С одной стороны, под дискурсом понимается связная речь, комплексное коммуникативное событие, сверхфразовое единство, связный текст, целостное и законченное речевое произведение. Данный аспект дискурса находит своё выражение в языковом инструментарии и совокупности текстов, порождённых участниками коммуникативного акта.

С другой стороны, дискурс связан с ментальными процессами: «этническими, психологическими, социокультурными стереотипами и установками, а также стратегиями понимания и порождения речи, определяющими при необходимости темп речи, степень её связности, соотношение общего и конкретного, нового и уже известного, нетривиального (субъективного) и общепринятого, эксплицитного и имплицитного в содержании дискурса, выбор средств для достижения конечной цели коммуникации, фиксацию точки зрения говорящего и т.д.» (Темнова 2004: 27).

Именно поэтому, согласно Н.Д. Арутюновой, под дискурсом можно рассматривать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте», либо «речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (Арутюнова 1990: 136).

В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: институциональный и персональный (лично-ориентированный). В рамках персонального дискурса участники коммуникативного акта выступают как личности, отражающие всё богатство и многообразие своего внутреннего мира, в то время как в институциональном дискурсе они рассматриваются с точки зрения их принадлежности к определённому социальному институту (Карасик 2000).

Институциональный дискурс подразумевает под собой общение, регулируемое заданными рамками статусно-ролевых отношений. Применительно к современному обществу выделяются следующие виды институционального дискурса: экономический, политический, юридический, медицинский, военный, религиозный, дипломатический, научный, педагогический, массово-информационный и др. Данный список отнюдь не является конечным – его можно расширить или изменить, так как сами социальные институты характеризуются большой изменчивостью, могут объединяться друг с другом или появляться в качестве разновидностей определённого типа (Лукьянова 2016). Таким образом, можно сказать, что «разновидностей дискурса столько, сколько видов деятельности человека, поскольку каждый вид деятельности порождает свой собственный вид дискурса с присущей ему лексикой и стилистикой», а значит объектом или главной темой дискурса может стать абсолютно любая сфера человеческой деятельности (Иванова 2007: 134).

В рамках настоящей работы наше внимание привлекает дискурс юридический. Он считается одним из самых сложных и востребованных дискурсов современности, поскольку ориентирован на все слои общества и играет значительную роль в его формировании и функционировании.

Большинство исследователей (Л.А. Борисова, С.В. Калашникова, В.И. Карасик, И.В. Палашевская) рассматривают юридический дискурс как подвид институционального, однако встречаются и мнения о том, что юридическому дискурсу также характерна некая персонализированность, поскольку в нём можно выделить и лично-ориентированные жанры, такие как завещание, показания свидетелей, речь адвоката и т.д. (Крапивкина 2011).

Так, согласно И.В. Палашевской, юридический дискурс, будучи разновидностью дискурса институционального, представляет собой «статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определённых правом ситуациях институционального общения» (Палашевская 2010: 535).

Более широкое определение даёт О.В. Косоногова. В своих работах она обращает внимание на то, что юридический дискурс включает в себя не только институциональные формы коммуникации, относящиеся к правотворчеству и правоприменению, но и неинституциональные, выходящие за рамки профессионального общения и скорее принадлежащие бытовому уровню. Исходя из этого, она предлагает рассматривать юридический дискурс как «особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых субъект, адресат или содержание (или хотя бы одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции и/или встречаются в рамках пересечения данного дискурса с другими типами дискурса» (Косоногова 2015: 66).

Интересным также представляется определение, предложенное С.В. Калашниковой. Исследователь отмечает обусловленность юридического

дискурса экстралингвистическими (социальными, культурными, идеологическими) факторами, что, на наш взгляд, является одним из главных свойств данного типа дискурса, и определяет его как «смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, которая регулируется конкретными историческими и социально-культурными кодами (традициями), направленную на формулирование стандартов, правовое закрепление (легитимизацию), регулирование и контроль общественных отношений через устойчивую систему правовых норм» (Калашникова 2016: 217).

Юридический дискурс, будучи подвидом дискурса институционального, в свою очередь состоит из перекрещивающихся и взаимосвязанных подтипов. Так, Т.В. Ускова выделяет судебный дискурс (дискурс судьи, дискурс истца, дискурс ответчика, дискурс прокурора), дискурс юридических документов (дискурс договоров, завещаний, постановлений), дискурс юридической консультации (дискурс «юрист-клиент», «юрист-юрист») (Ускова 2001). К данному списку С.В. Калашникова и Л.В. Ступникова добавляют научный юридический дискурс, включающий статьи и научные работы по правоведению (Калашникова 2016, Ступникова 2007).

Основные цели юридического дискурса, а именно упорядочение и регулирование социальных отношений, продвижение ценностей, обеспечивающих главенство закона и авторитет права, определяют его функции и особенности взаимодействия его участников. Таким образом, среди функций юридического дискурса исследователи выделяют следующие:

1. регулятивная функция, заключающаяся в установлении определённых норм и ценностей, определяющих и регулирующих взаимодействие участников дискурса (Палашевская 2010);

2. информативная, «состоящая в генерировании, трансляции и ретрансляции смыслов, определяющих суть того или иного института, т.е. создании определённых информационных потоков в институциональном коммуникативном пространстве» (Палашевская 2010: 536); заключающаяся в

передаче сообщений, информировании о решении или факте (Крапивкина, Непомилов 2014, Mattila 2006);

3. перформативная, т.е. способность совершать коммуникативное действие, делать реальным то, о чём сообщается (Палашевская 2010, Mattila 2006);

4. интерпретационная, выражающаяся в толковании «смыслов коммуникативных действий участников дискурса и соответствующих правовых текстов» (Палашевская 2010: 536);

5. кумулятивная, заключающаяся в накоплении правового опыта (Борисова 2016, Палашевская 2010);

6. презентационная, способствующая укреплению авторитета права, формированию имиджа институтов и его агентов (Палашевская 2010, Mattila 2006);

7. стратегическая, определяющая выбор конкретных стратегий и тактик, необходимых для достижения коммуникативных целей в различных коммуникативных ситуациях (Палашевская 2010);

8. кодовая (Палашевская 2010, Mattila 2006), «состоящая в создании специального языка, эффективного для выполнения целей и задач институциональной деятельности» (Палашевская 2010: 536);

9. прескриптивная, заключающаяся в создании определённых предписаний совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения (Крапивкина, Непомилов 2014);

10. аргументирующая, способствующая обоснованию тех или иных мнений или позиций (Крапивкина, Непомилов 2014);

11. декларативная, проявляющаяся в провозглашении различных правовых и социальных ценностей и идей (Крапивкина, Непомилов 2014).

У юридического дискурса, как особой сферы взаимодействия людей в обществе, также обнаруживаются свои отличительные черты и свойства. Одним из главных свойств юридической коммуникации является её институциональность. Институциональный характер юридического дискурса

подразумевает наличие конкретных, установленных в обществе правил, которым должны подчиняться все участники дискурса (Крапивкина, Непомилов 2014). Данные правила определяют режим коммуникации, позволяют разграничить роли субъектов, установить статусно-ролевые отношения между участниками дискурса (Косоногова 2015).

Вторым свойством рассматриваемого нами дискурса является его ярко выраженная интертекстуальность. Она проявляется в способности юридических текстов «ссылаться друг на друга, заимствуя содержательные и формальные элементы, принадлежащие другим текстам» (Крапивкина, Непомилов 2014). Так, например, в юридических текстах можно часто встретить ссылки на различные законодательные акты, описания показаний свидетелей или данных экспертизы и т.д.

Как отмечает К.Г. Ибрагимова, юридические тексты также характеризуются наличием не только эксплицитно выраженной информации, но и имплицитной (фоновой), понятной лишь «посвящённым» (Ибрагимова 2017). Большую роль в адекватном понимании, использовании и создании юридических текстов играют фоновые знания человека, знание прецедентных текстов (высказываний, имён, ситуаций, дат и т.д.). Так, например, информация о специфике взаимоотношений между разными правовыми системами или субъектами права редко появляется в юридических текстах, поскольку предполагается, что юристы и другие члены данного сообщества уже обладают этими знаниями.

Тем не менее можно говорить о том, что юридические тексты адресованы не только юристам, специалистам в сфере юриспруденции, но и обывателям, которым так или иначе приходится сталкиваться с ними в повседневной жизни (например, при заключении трудового договора, выступлении на судебном заседании, взаимодействии с представителями закона и т.д.). В некоторых таких случаях юрист может выступать в качестве посредника между юридическим текстом и не специалистом, как бы переводя слово закона с языка права на общедоступный язык (Harvey 2002).

Наконец, юридическому дискурсу свойственна значительная обусловленность экстралингвистическими факторами. Он формируется и развивается под влиянием политической, культурной и социально-экономической деятельности государства (Ступникова 2007).

1.3 Юридические термины как базовые компоненты юридического дискурса

Основу юридического дискурса, как и любого другого специального дискурса, составляет терминология, выступающая вербальным выражением различных предметно-терминологических областей. Однако, прежде чем рассматривать понятия «юридический термин», «юридическая терминология», нам представляется необходимым сначала определить базовые понятия «термин», «терминология», «терминосистема».

В ходе развития терминологии и терминоведения лингвисты и переводоведы по-разному рассматривали понятие «термин», пытались дать ему исчерпывающее определение. В рамках данного исследования постараемся привести наиболее значимые.

Так, например, А.А. Реформатский относил к терминам «слова специальные, отграниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» (Реформатский 2004: 115).

Рассматривая термин с точки зрения науки терминологии, А.В. Суперанская определяет его как «специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях» (Суперанская 2012: 14).

Аналогичную мысль встречаем и в работе В.Н. Комиссарова: «терминами называются слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определённой области» (Комиссаров 1990: 110).

В терминоведении под термином понимается «лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» (Лейчик 2009: 31).

С.В. Гринев-Гриневиц приводит следующее определение понятия «термин»: термин – это «номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание), принимаемая для точного наименования понятий» (Гринева-Гриневиц 2008: 30). Данное определение кажется нам наиболее полным, поскольку в нем заложено лаконичное, но при этом точное описание отличительных признаков термина, таких как номинативность, точность значения, принадлежность к специальной области знания, целенаправленный характер создания, устойчивость.

Исследователь также подчеркивает, что терминологическая единица может представлять собой не только слово, но и словосочетание, т.е. может состоять из нескольких элементов. Таким образом, словосочетание может рассматриваться как одна номинативная терминологическая единица при условии, что оно используется для номинации одного понятия.

Некоторые исследователи при определении дефиниции термина пытаются установить его сущность через выполняемые им функции. Так, С.В. Гринев-Гриневиц выделяет следующие функции терминов: 1) инструментальную или номинативную (термины выступают инструментом фиксации знания); 2) дидактическую (термины служат для передачи знаний); 3) информационную или коммуникативную (термины составляют «семантический каркас содержания», позволяют сформировать представление об информации, содержащейся в тексте); 4) систематизирующую (термины отражают системное представление о понятии); 5) диагностическую (состояние терминологии позволяет специалистам составить представление о степени развития соответствующей области знания); 6) прогностическую (анализ терминологии может быть полезен для определения потенциальных направлений развития науки) (Гринева-Гриневиц 2008).

К уже перечисленным можно добавить прагматическую функцию, отражающую связь терминов с участниками коммуникации, конкретными условиями, коммуникативными установками, коммуникативной ситуацией; а также эвристическую функцию, заключающуюся в том, что термины, наряду с другими лексическими единицами языков для специальных целей, могут выполнять функцию открытия новых знаний (Лейчик 2009).

При рассмотрении понятия «термин» важно также обратить внимание на взаимосвязь терминов и терминологии, терминов и терминосистемы, ведь, как утверждает К.Я. Авербух, сам «термин существует лишь как член определённой системы», вне этой системы он перестаёт являться термином (Авербух 1986: 40).

В современной науке исследователи выражают различные мнения относительно соотношения понятий «терминология» и «терминосистема». Одни учёные утверждают, что эти понятия являются синонимами (Головин, Кобрин 1987, Ибрагимова 2017, Лыкова 2005), другие их разграничивают (Гринев-Гриневиц 2008, Лейчик 2009).

Те, кто придерживается мнения о несовпадении данных понятий, определяют терминологию как неупорядоченную, «естественно сложившуюся совокупность терминов определённой области знания или её фрагмента», а терминосистему как «упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями» (Гринев-Гриневиц 2008: 15).

Однако, как утверждают Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин, «случайного скопления терминов, системно не связанных и не организованных, не имеет ни одна отрасль производства или техники, ни одна область науки или управления, потому что в любой названной сфере предметы и их признаки соотнесены и связаны, системно организованы в понятия той или иной области знания» (Головин, Кобрин 1987: 78). Можно сказать, что системность

терминологии обусловлена системностью мира, определённые стороны которого она обслуживает.

Таким образом, в рамках данного исследования мы будем считать понятия «терминология» и «терминосистема» равнозначными. Опираясь на положения, сформулированные Н.Н. Лыковой, мы будем определять терминосистему (и, следовательно, терминологию) как «естественно сложившуюся совокупность терминов, представляющую собой внутренне упорядоченное целое, логико-лингвистическую модель данной области знания или деятельности, совокупность (систему) терминологических единиц, моделирующую не отдельную теорию определённой области знания, а, скорее, предметные области данной профессиональной сферы и характеризующую уровень развития профессиональных знаний» (Лыкова 2005: 36).

Исходя из приведенных выше определений термина, можно предположить, что юридическим термином будет являться специальная лексическая единица (слово или словосочетание), обозначающая специфическое понятие в сфере юриспруденции. Обратимся к мнениям, которые высказывают на этот счет учёные.

Важно отметить, что исследователи-юристы и лингвисты по-разному подходят к определению понятия «юридический термин». Определения юристов в значительной степени шире, поскольку они зачастую склонны относить к категории юридических терминов даже те слова, которые в текстах законов употребляются в своем основном, общеязыковом значении (например, такие слова, как «массовые отравления», «находка», «автор», «документ» и т.д.) (Хижняк 1997₂).

Многие правоведы обращают свое внимание лишь на нормативный аспект юридических терминов и обходят стороной терминологические единицы, называющие иные понятия и явления в сфере права и не закреплённые в текстах нормативно-правовых актов.

Так, с точки зрения юристов и правоведов под юридическим термином понимают «слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, является обобщённым наименованием юридического понятия, имеющего точный и определённый смысл, и отличающийся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» (Пиголкин 1990: 65).

В лингвистических исследованиях юридический термин в свою очередь определяется как «слово (существительное) или субстантивное словосочетание, соотнесённое с определённым понятием в системе понятий науки, отражающей явления надстроечного порядка и функционирующей в сфере законодательства, судопроизводства и т.д.» (Хижняк 1997₁: 13).

С.П. Хижняк также отмечает, что юридической терминологии, как и юридическому дискурсу, свойственна национально-культурная маркированность, связь с социальным, культурным, экономическим и идеологическим развитием страны (Хижняк 1997₁). Этим объясняется наличие большого количества частично эквивалентных и безэквивалентных терминологических единиц, несовпадение юридических терминосистем разных государств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что юристов и правоведов в большей степени интересует вопрос адекватности терминов, используемых для составления того или иного нормативно-правового акта, в то время как для лингвистов «термины представляют интерес как один из фрагментов языковой картины мира, обусловленный национально-культурной спецификой» (Ибрагимова 2017: 92).

Рассуждая о сущности юридической терминологии, многие исследователи выделяют ряд свойств, которыми должен обладать «идеальный» юридический термин. Так, по мнению С.П. Хижняка юридический термин должен быть:

- 1) единым, т.е. термин должен употребляться в одном и том же значении в данном законе, нормативном правовом акте или иных

юридических текстах, быть однозначным в рамках терминосистемы (важно отметить, что на деле многие юридические термины не соответствуют данному критерию);

2) общепризнанным, т.е. термин не может изобретаться отдельным законодателем лишь для конкретного нормативного правового акта или же использоваться в нем в каком-то ином, особом смысле;

3) стабильным, что означает, что его смысл (значение) не может меняться по желанию законодателя или с принятием новых законов (здесь мы говорим не об абсолютной, а об относительной стабильности юридического термина, поскольку, как уже отмечалось выше, юридическим терминам свойственно менять свои значения в ходе развития общественных отношений);

4) доступным для понимания, т.е. термин создаёт у участника юридического дискурса правильное представление о том понятии, которое он называет;

5) системным, связанным логически с другими элементами терминосистемы;

6) соотнесённым с той профессиональной сферой, в рамках которой он употребляется (Хижняк 1997₂: 9).

Особый интерес в рамках изучения юридических терминов для нас представляет процесс порождения юридической терминологии. Материальную базу терминообразовательного процесса в целом можно представить в виде трёх основных источников: 1) уже существующий специальный терминологический лексикон (в эту группу также можно включить общенаучные (общетехнические) термины, межотраслевые терминологические единицы, находящиеся на пересечении юридической терминосистемы и терминосистем других областей знания, например, политической или экономической); 2) единицы общеупотребительного языка; 3) заимствования из других языков (Алексеева 1998: 23). Процесс порождения

новых терминов в сфере юриспруденции происходит по любому из трёх направлений.

Одним из наиболее продуктивных способов терминообразования как в юридическом, так и в любом другом специальном дискурсе является терминологическая метафоризация, в основе которой лежит использование единиц общеупотребительного языка.

1.4 Понятие метафоры. Юридическая метафора как часть юридической терминологии

Феномен метафоры уже более двух тысячелетий привлекает внимание представителей различных наук: философов, лингвистов, литературоведов, психологов, культурологов и многих других. Однако в терминоведении вопрос соотношения процессов терминопорождения и метафоризации очень долго оставался неизученным. Считалось, что в ясном научном стиле, требующем однозначности, нейтральности и точности, нет места экспрессивной метафоре, а сам процесс метафоризации как способ терминообразования является непродуктивным и нестабильным (Матвеева, Матвеева 2017).

Попытки объяснить сущность метафоры предпринимались ещё во времена Аристотеля. В то время и на протяжении многих веков после метафора рассматривалась как изобразительно-выразительное средство, троп, риторический приём, главной целью использования которого являлось повышение выразительности текста, усиление образности, оказание эстетического воздействия на реципиента. Главное место в концепциях того времени занимала идея о том, что метафора – это «семантическая аномалия (или семантический сдвиг), используемая в основном лишь для украшения речи» (Алексеева 1998: 35).

Новый подход к изучению метафоры сформировался лишь в середине XX в., когда метафору стали рассматривать не только как феномен языка, но

и мышления. Большой вклад в развитие когнитивного подхода к метафоре внесли такие отечественные и зарубежные учёные, как Л.М. Алексеева, Н.Д. Арутюнова, М. Блэк, М. Джонсон, Д. Лакофф, А.А. Ричардс, Х. Ортега-и-Гассет и др.

Появление новой теории метафоры в первую очередь связывают с именем А.А. Ричардса. А.А. Ричардс отмечает, что метафора очень долгое время рассматривалась как особый прием, дополнительный механизм языка, уместный лишь в редких случаях и требующий особой осторожности от того, кто его использует (Richards 1965). По его мнению, подобные утверждения лишь сильнее усложняют процесс изучения метафоры, уводят учёных от её истинной сути.

Метафору следует расценивать не как явление особенное и исключительное, не как отклонение от обычного, стандартного использования языка, а как вездесущий принцип его естественного функционирования (Richards 1965). Исследователь также отмечает, что предотвратить появление метафор в языке науки невозможно, поскольку метафора тесно связана с процессами не только речи, но и мышления. Само мышление метафорично, оно функционирует и развивается через сравнения, именно поэтому в языке и возникают метафоры.

Теория метафоры А.А. Ричардса получила дальнейшее развитие в трудах М. Блэка. Положения, сформулированные М. Блэком, позволили привнести ещё большую ясность в процесс метафоризации. Учёный успешно продемонстрировал, что при порождении метафоры автор текста пользуется стандартными синтаксическими и семантическими средствами языка (Black 1954). Полученная в результате метафорического переноса лексическая единица может представлять определённую новизну, казаться нам непривычной, однако её значение никогда не будет выходить за рамки стандартного лексикона языка. По мнению М. Блэка, метафоризация – это полноправный способ словообразования, позволяющий заполнить пробелы в терминологическом аппарате различных предметных областей (Black 1954).

О так называемой «научной метафоре» рассуждает и Х. Ортега-и-Гассет. Он утверждает, что метафора представляет собой важное орудие мышления. Мы не всегда можем составить ясное представление о сложных для понимания объектах и явлениях. В таких случаях мы вынуждены обращаться к близким к нам предметам, известным и понятным для нас, легко доступным для нашего мышления, и уже через них формировать и постигать далёкие и трудно уловимые понятия. Таким образом, метафора «нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли» (Ортега-и-Гассет 1990: 68).

Наконец, особый вклад в развитие когнитивной теории метафоры внесли американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон. Как и их предшественники, учёные утверждают, что метафора принадлежит не только сфере языка, но и проявляется в нашем мышлении и всех видах человеческой деятельности (Lakoff, Johnson 1980).

Основным положением когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона является утверждение о том, что наша обыденная понятийная система определяется и структурируется метафорически. В связи с этим метафора выступает как средство организации, структурирования и объяснения системы понятий и концептов в нашем сознании; с помощью неё человек интерпретирует явления одной понятийной сферы (сферы-мишени) на основании отождествления с явлениями другой понятийной сферы (сферы-источника) (Lakoff 1993).

Исходя из вышеперечисленных утверждений, Дж. Лакофф приходит к следующим выводам: 1) метафора является основным механизмом, с помощью которого мы понимаем и усваиваем понятия и концепты; 2) метафора позволяет нам постигать абстрактные, сложные или размытые понятия через их отождествление с более структурированными, ясными и доступными понятиями; 3) несмотря на то что большая часть нашей понятийной системы метафорична, значительная её часть является

неметафоричной; метафорическое осмысление основано на неметафорическом; 4) как самые простые темы, так и самые сложные, замысловатые научные теории могут быть осмыслены с помощью метафоры; 5) будучи взаимосвязанными с мышлением и деятельностью человека, метафоры формируются под влиянием физического, социального и культурного опыта автора текста (Lakoff 1993).

Таким образом, когнитивная теория позволила вывести изучение метафоры за пределы языка и сформировала убеждение о том, что метафора является феноменом взаимодействия языка, мышления и культуры.

В современной науке проникновение метафоры в сферу терминообразования рассматривается уже не как отклонение от нормы, а как явление вполне закономерное и естественное. Более того, метафоризация считается одним из наиболее распространённых и устойчивых механизмов формирования отраслевых терминологий. В связи с этим возрастает и количество исследований, посвященных изучению функционирования терминов-метафор и установлению их места в терминосистемах различных предметных областей, в том числе и в сфере права.

Процесс порождения терминов определённой области знания на основе метафоры называют терминологической метафоризацией. А.А. Ефремов определяет её как способ «представления научного «неизвестного» через «известное» за счёт использования знакомой, освоенной лексической единицы в новом переосмысленном значении» (Ефремов 2013: 56). Л.М. Алексеева под данным понятием понимает «метафорический процесс, имеющий место в сфере терминопорождения и связанный с вербализацией научного знания в виде его концептуализации, неоднозначный и противоречивый в своей основе, содержащий одновременно сравнение и противопоставление» (Алексеева 1998: 170).

Следовательно, термин-метафора представляет собой «общеупотребительное слово (или словосочетание), принимаемое в специальном значении и выступающее как наименование профессионального

понятия, входящее в системные отношения с терминами данной отрасли знания, используемое в профессиональной коммуникации» (Гайнутдинова 2017: 93). В дополнение к этому определению И.А. Гаврилова делает очень важное замечание: термины-метафоры функционируют только в официально-деловой сфере (Гаврилова 2019). Это позволяет отграничить их от профессионализмов и жаргонизмов, которые являются полуофициальными словами и встречаются исключительно в разговорной речи представителей определённых профессий.

Юридическая метафора является сложным когнитивным явлением, в рамках которого происходит осмысление и репрезентация специального правового знания через обращение к иным сферам жизни человека и его личному, социальному и культурному опыту.

С точки зрения формы она может представлять собой как однословную единицу (напр., *accessory* (соучастник преступления); *piracy* (нарушение авторского права)), так и словосочетание, включающее в себя общеупотребительное слово и лексему (лексемы), принадлежащую к юридическому дискурсу (напр., *friendly suit* (иск, предъявляемый по соглашению сторон); *face of judgement* (присуждённая сумма); юридическое лицо; отмывание денежных средств).

Юридические термины-метафоры выступают как полноправные термины в составе юридической терминосистемы и обладают всеми свойствами «идеального» термина: соотнесённостью с определённым юридическим понятием и профессиональной сферой, однозначностью, общепризнанностью, стабильностью, системностью, доступностью (Гаврилова 2019). Функционируя в юридическом дискурсе наряду с другими терминологическими единицами и устанавливая с ними устойчивые связи, термины-метафоры «становятся для специалистов-носителей языка рядовыми названиями правовой действительности», а их яркая внутренняя форма постепенно стирается, отходит на второй план (Гаврилова 2019: 510).

В юридическом профессиональном дискурсе термины-метафоры выполняют ряд функций. Во-первых, использование юридических метафор отвечает целям законодательной экономии (Лескина 2018). Термины-метафоры способны ёмко охарактеризовать разнообразные понятия и явления, встречающиеся в различных сферах правовой деятельности. Таким образом, компактность метафоры позволяет юристам и другим участникам юридического дискурса избежать многословия, что полностью соответствует основным принципам языка науки и языка права.

Во-вторых, термины-метафоры позволяют сделать язык права более понятным для неспециалистов, в этом реализуется их объяснительная функция (Лескина 2018, Лыкова 2016). Другими словами, использование юридических метафор способствует преодолению проблем с пониманием юридической терминологии, юридических текстов.

В-третьих, юридические метафоры используются как средство убеждения в достоверности и правильности выдвигаемых суждений, как средство воздействия на реципиента текста. Можно говорить о том, что они выполняют аргументативную и эмоциональную функции (Антонова 2005, Константинова 2011).

Анализ терминов-метафор в юридических терминологиях английского и русского языков также позволяет выявить общее и особенное в профессиональных языковых картинах мира юристов. Так, И.А. Гаврилова выделяет три группы соответствий. К первой группе она относит терминологические единицы, в основе которых лежит универсальная метафора, имеющая актуальность как для англо-американской, так и для российской юриспруденции, например: *pitfalls of the law* – юридические ловушки (Гаврилова 2019). Вторая группа включает в себя термины-метафоры, в основе которых лежат разные образы, например: *stool pigeon* – подсадная утка; *thin case* – липовое дело. Наконец, в третьей группе находятся термины, которые являются метафоричными только в английском языке: *identification parade* – предъявление для опознания. Особое место в последней

группе занимают термины-метафоры, имеющие в своём значении отсылку на прецедентные феномены, «входящие в когнитивную базу социально-культурного сообщества и служащие ключом к восприятию его культурно-правовых традиций», например: “*Lame Duck*” amendment (под «*lame duck*» понимается государственный деятель, не переизбранный на новый срок; основная цель вышеуказанной поправки – сокращение срока полномочий президента) – XX поправка к Конституции США (Гаврилова 2019: 509).

С учетом вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что метафора является полноценным источником пополнения терминологического аппарата сферы юриспруденции. Юридические термины-метафоры «опираются на когнитивные механизмы аналогии, выделения общих, сходных признаков у разных объектов и процессов, обеспечивают понятийное взаимодействие между хорошо известной и новой областью знаний и отражают культурно-исторический контекст эпохи» (Лыкова 2016: 109). Процесс терминологической метафоризации используется при формировании терминосистем не только юриспруденции, но и всех остальных сфер деятельности человека и представляет собой естественное и гармоничное явление в языке науки.

1.5 Стратегии перевода юридических метафор

Юридический перевод считается одним из самых сложных видов специального перевода. В связи с развитием международного, торгово-экономического и делового сотрудничества, ростом числа международных сделок, участники которых могут принадлежать к разным правовым системам, и международных проектов, отдельные стороны которых могут регулироваться законодательством разных стран, возрастает и актуальность юридического перевода. Это приводит к тому, что перед лингвистами встаёт серьёзная задача: необходимо выявить и проанализировать факторы, влияющие на перевод юридической терминологии с русского языка на

иностранный (и наоборот), а также разработать основные стратегии перевода юридических текстов. Принципиальным для решения этих вопросов становится тесное взаимодействие и совместная работа лингвистов и специалистов в области юриспруденции.

Т.П. Некрасова отмечает, что юридический перевод представляет собой «в большей степени акт межкультурной коммуникации, чем акт межъязыковой коммуникации, поскольку в переводческий контакт вступают разные правовые системы и правовые культуры, несовпадения в которых обуславливают многие проблемы юридического перевода» (Некрасова 2013: 8). Аналогичного мнения придерживается и К.М. Левитан. Исследователь утверждает, что в процессе перевода юридических текстов переводчик не только переключается с одного языка на другой, но и осуществляет переход от одной правовой системы, представленной в его сознании как концептуальная картина юридической действительности его страны, к другой правовой системе, другому правовому миру (Левитан 2011). Таким образом, перед юридическим переводчиком стоит трудная задача: будучи посредником в межъязыковой и межкультурной коммуникации, он должен преодолеть не только языковые, но и культурные барьеры между исходным языком и языком перевода.

Основные трудности, с которыми сталкиваются переводчики в процессе перевода текстов юридической направленности, обычно связывают с двумя взаимообусловленными факторами: несовпадением правовых систем государств (*incongruency of legal systems*) и терминологическим несовпадением (*terminological incongruency*) (Сао 2007). Другими словами, большинство проблем при переводе возникает «из-за расхождения объёмов понятий, передаваемых терминами-аналогами» и «существования специфичных для одной терминосистемы единиц и отсутствия переводческих соответствий в другой» (Левитан 2011: 34).

Исходя из этого, всю терминологическую лексику можно поделить на три группы: 1) термины, имеющие полный эквивалент (постоянное и

равнозначное переводческое соответствие) в языке перевода; 2) термины, имеющие частичный эквивалент (термин-аналог) в языке перевода, 3) безэквивалентные термины, составляющие большую часть юридической терминологии. Ситуации, когда в языке перевода существует однозначная, подходящая для данного контекста, официально закреплённая эквивалентная единица (напр., *witness* – свидетель, *life imprisonment* – пожизненное заключение, *death penalty* – смертная казнь), не вызывают каких-либо серьёзных трудностей. В тех же случаях, когда в языке перевода такой единицы не существует, переводчику приходится прибегать к одному из трёх способов её передачи (Капшутарь, Филиппова 2016, Тихонова 2018):

1) беспереводное заимствование иноязычного термина, реализующееся при помощи транскрипции или транслитерации (напр., *burglary* – бёрглэри, *misdemeanor* – мисдиминор, *solicitor* – солиситор). Многие юристы отмечают целесообразность данного способа перевода терминологических единиц, поскольку его использование позволяет избежать юридических неточностей и путаницы при описании тех или иных понятий и явлений зарубежной правовой системы. Как утверждает А.А. Малиновский, в некоторых случаях будет правильнее оперировать категориальным аппаратом правовой системы зарубежного государства, чем пытаться выразить специфичные зарубежные понятия при помощи понятийного аппарата российской юриспруденции (Малиновский 1998). Однако в зависимости от цели перевода и типа переводимого текста может потребоваться сопроводить заимствованные термины пояснениями в виде сносок или комментариями в скобках, поскольку беспереводные заимствования в наименьшей степени служат раскрытию содержания терминологической единицы;

2) калькирование иноязычного термина (напр., *material evidence* – вещественные доказательства, *qualified majority* – квалифицированное большинство, *search warrant* – ордер на обыск). Исследователи отмечают, что переводчики реже всего прибегают к калькированию при переводе юридических терминов. Отчасти это объясняется тем, что в английском и

русском языках наблюдается разная синтаксическая сочетаемость (Тихонова 2018). Так, например, в английском языке нормой является беспредложное сочетание двух существительных, одно из которых выступает в атрибутивной функции (напр., *highway robbery*, *commodity exchange*, *securities pledge*), в то время как для русского языка такой тип синтаксической связи не свойственен. В то же время для английского языка характерны случаи, когда два существительных, одно из которых подчиняется другому, соединяются предлогом, при этом в русском языке такая связь осуществляется при помощи падежей (напр., *deprivation of life* – лишение жизни, *arrest of judgement* – приостановка исполнения решения, *admissibility of evidence* – допустимость доказательств). Более того, в некоторых случаях калькированные термины, как и заимствованные, являются недостаточными для уяснения содержания обозначаемого термином понятия и требуют соответствующих пояснений (напр., *sea waybill* – морская накладная (документ, выдаваемый грузоотправителю перевозчиком в подтверждение факта принятия груза к перевозке по морю и содержащий обязательства передать его грузополучателю; представляет собой необоротный инструмент));

3) перевод иноязычного термина с помощью описательного оборота (напр., *barrister* – адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в суде; *abator* – лицо, незаконно завладевшее недвижимостью до её перехода к законному наследнику; *defence statement* – письменное возражение подсудимого против обвинения). Несмотря на минусы использования данного метода (большая длина лексической единицы, приводящая к громоздкости предложений и текста в целом), описательный перевод расценивается как наиболее адекватный способ передачи безэквивалентных юридических терминов.

Говоря о переводе юридических терминов в аудиовизуальных текстах, важно отметить, что привязанность к звуковому и видеоряду предполагает отказ там, где это возможно, от описательного перевода, ввиду большого размера получаемой терминологической единицы. В случае отсутствия

терминологического эквивалента также не рекомендуется прибегать к транскрипции, транслитерации или калькированию в силу того, что переведённые таким способом термины могут быть непонятны принимающей аудитории (Литвина 2007). Согласно Д.В. Литвиной, оптимальным решением является упрощение текста при переводе, достигающееся благодаря генерализации, родовидовой или синонимической замене, опущению или приблизительному переводу терминов (Литвина 2007).

Отдельную проблему в рамках работы с юридическими текстами представляют термины-метафоры. Сложность их перевода заключается в том, что переводчику необходимо не только разобраться, какое понятие стоит за терминологической единицей, но и попытаться понять и воссоздать метафорический образ, скрывающийся в её смысловой структуре. Учёными уже давно был сформулирован «закон сохранения метафоры», в соответствии с которым переводчик должен по мере возможности сохранять образность лексической единицы. Утрата или опущение метафоры может привести к тому, что смысл фразы изменится, а её прагматический эффект снизится, именно поэтому факт переноса метафоры при переводе весьма важен.

Тем не менее переводчику не всегда удаётся сохранить метафору оригинала в тексте перевода. Отчасти это объясняется тем, что процесс метафоризации в каждом отдельном языке тесно связан с тем, как его носители концептуализируют окружающую их внеязыковую действительность. Как отмечают Н.А. Мишанкина и А.И. Деева, национальная картина мира несёт «отпечаток специфики определённого мировосприятия, образности мышления, менталитета и характера, что находит отражение в терминологии и тем более в метафорической терминологии» (Мишанкина, Деева 2013: 36). Представители разных наций опираются на разные исходные понятийные области в процессе наименования того или иного объекта или явления, в результате чего между терминологическими системами разных языков может наблюдаться количественная и качественная асимметрия.

В целом, отечественные и зарубежные лингвисты предлагают несколько стратегий перевода метафорических единиц. Так, например, П. Ньюмарк выделяет шесть способов передачи метафоры:

1. сохранение метафорического образа исходной единицы (другими словами, дословный перевод) при условии, что этот образ часто используется в принимающей культуре, понятен и близок носителям языка перевода;
2. замена оригинальной метафоры метафорой-эквивалентом с иной образностью;
3. перевод метафоры сравнением;
4. сохранение метафорического образа с добавлением пояснения, которое делает основание сравнения эксплицитным;
5. перефразирование;
6. опущение метафоры (Newmark 2001).

Аналогичные стратегии перевода предлагает и Н. Мандельблит. Она выдвигает «Гипотезу когнитивного перевода», в рамках которой рассматриваются два разных сценария:

1. сходное метафорическое проецирование (*similar mapping condition*, или *SMC*) наблюдается в тех случаях, когда в процессе перевода не происходит концептуальный сдвиг, т.е. концепты, лежащие в основе метафор в языке оригинала и языке перевода, являются универсальными для обеих культур;
2. различное метафорическое проецирование (*different mapping condition*, или *DMC*) наблюдается в тех случаях, когда при переводе происходит концептуальный сдвиг, т.е. метафоры в языке оригинала и языке перевода характеризуются культурной обусловленностью и воспроизводят разные концептуальные ассоциации в сознании реципиентов (Mandelblit 1995).

В первом сценарии переводчик без каких-либо затруднений осуществляет перевод метафоры с одного языка на другой. Во втором случае он следует одному из уже знакомых нам принципов:

1. переводит метафору сравнением;
2. переводит её парафразом;
3. сохраняет метафорический образ и объясняет значение метафоры в примечании;

4. опускает метафору в переводе.

В рамках настоящего исследования при рассмотрении способов перевода метафорических терминов мы будем придерживаться классификации, предложенной В.Н. Комиссаровым и А.Л. Кораловой. Учёные разграничивают следующие способы перевода терминов-метафор:

1. перевод термина-метафоры с сохранением оригинального образа (напр., *money laundering* – отмывание денежных средств; *body of the agreement* – тело соглашения);

2. перевод термина-метафоры, основывающийся на ином схожем образе (напр., *legal channels* – законные пути);

3. дословный перевод термина-метафоры (напр., *American rule* – американское правило (правило, согласно которому судебные издержки оплачиваются каждой из сторон, участвующих в судебном процессе – даже той, которая выиграла дело); *beyond question rule* – принцип «вне сомнения» (принцип, согласно которому в рамках процесса о нарушении патентных прав временный запретительный приказ выдаётся лишь в тех случаях, когда законность патента и факт нарушения прав не вызывают сомнений));

4. перевод термина-метафоры путём неметафорического объяснения (напр., *blue ribbon jury* – тщательно подобранная группа присяжных, отобранных из квалифицированных или высоко уважаемых граждан и назначенных судом для рассмотрения особо важных или запутанных дел; *cannon-shot rule* – принцип, согласно которому ширина территориальных вод определяется максимальным радиусом действия береговых батарей) (Комиссаров, Коралова 1990).

К этому списку нам представляется важным добавить ещё два способа передачи метафорических терминов: 1) перевод термина-метафоры,

основывающийся на отличном образе (напр., *skeleton agreement* – рамочное соглашение); и 2) опущение метафоры, включающее в себя её замену на слово или словосочетание, не являющееся метафорой в языке перевода (напр., *thin evidence* – неубедительные доказательства; *strong motive* – мотив).

При рассмотрении способов перевода терминов-метафор с позиции переводчика важно также обратить внимание на уровни эквивалентности, достигающиеся в различных ситуациях перевода. Так, Н.А. Мишанкина и А.И. Деева выделяют три уровня эквивалентности (Мишанкина, Деева 2013). Самый высокий, третий, уровень эквивалентности демонстрируют метафоры, метафорические образы которых совпадают. Такие метафоры можно назвать симметричными.

Второй уровень эквивалентности объединяет частично симметричные (исходная понятийная сфера терминов является общей, но актуализируются разные её фрагменты, образы, естественные для представителей данной культуры) и асимметричные (наблюдается несовпадение образов) термины. На данном уровне эквивалентности происходит процесс реметафоризации.

Наконец, первый уровень эквивалентности, самый низкий, наблюдается в тех случаях, когда термин, представленный в одном языке метафорой, переводится на другой язык прямой номинацией или описательно. Таким образом, в процессе перевода происходит деметафоризация, а первоначальный метафорический образ терминологической единицы утрачивается.

В целом, выбор той или иной стратегии перевода метафоры зависит от типа и функционально-коммуникативной направленности переводимого текста, его целевой аудитории, а также функций, которые эта метафора выполняет в тексте оригинала, при этом основной целью юридического перевода является создание такого текста на языке перевода, который бы мог считаться полноценной заменой оригинала в коммуникативном плане и быть ему равноценным в функциональном, структурном и содержательном аспектах.

Выводы по главе 1

Результаты, полученные на данном этапе, позволили нам сделать следующие выводы:

1. Метафоризация является одним из наиболее устойчивых и продуктивных механизмов формирования юридической терминологии. Результатом метафоризации является юридическая метафора, представляющая собой сложное когнитивное явление, в рамках которого происходит осмысление и репрезентация специального правового знания через обращение к иным сферам жизни человека и его личному, социальному и культурному опыту;

2. Термины-метафоры выступают как полноправные единицы в составе юридической терминосистемы и обладают всеми свойствами «идеального» термина: соотнесённостью с определённым юридическим понятием и профессиональной сферой, однозначностью, общепризнанностью, стабильностью, системностью и доступностью;

3. Выделяют следующие способы перевода терминов-метафор: 1) перевод термина-метафоры с сохранением оригинального образа; 2) перевод термина-метафоры, основывающийся на ином схожем образе; 3) перевод термина-метафоры, основывающийся на отличном образе; 4) дословный перевод термина-метафоры; 5) перевод термина-метафоры путём неметафорического объяснения; и 6) опущение метафоры или её замена на слово или словосочетание, не являющееся метафорой в языке перевода;

4. Аудиовизуальный перевод терминов-метафор предполагает отказ там, где это возможно, от описательного перевода или калькирования. Оптимальным решением является упрощение текста, достигающееся благодаря опущению или приблизительному переводу;

5. В целом, выбор той или иной стратегии перевода метафоры зависит от типа и функционально-коммуникативной направленности

переводимого текста, его целевой аудитории, а также функций, которые эта метафора выполняет в тексте оригинала.

В практической части нашего исследования будут приведены результаты сопоставительного анализа существующих вариантов перевода юридических терминов-метафор с английского языка на русский на материале телевизионных сериалов жанра юридической драмы.

Глава 2. Способы аудиовизуального перевода юридической метафоры

Материалом для исследования послужили примеры использования юридических терминов-метафор в речи персонажей американских телесериалов жанра юридической драмы. По состоянию на 2011 год телесериалы жанра процедурной драмы, включающего в себя жанр драмы юридической, занимали лидирующее положение на мировом телевизионном рынке (Adler 2011). Интерес к юридическим драмам остаётся неизменным и по сей день, и с каждым годом они притягивают к экранам телевизоров всё больше и больше зрителей.

Высокая популярность жанра объясняется наличием у зрителей непрофессионального интереса к юриспруденции и праву, с которыми так или иначе связана жизнь каждого человека, а также всеобщей завроженностью преступлениями и правосудием. Запутанные дела, напряжённые перекрёстные допросы, уловки и махинации адвокатов, личные драмы пострадавших и этические дилеммы не только вызывают живой интерес зрителя, но и способствуют повышению его юридической грамотности (Халилов 2015).

Интерес к жанру также отчасти обуславливается особым построением сюжета: каждый эпизод процедурных драм построен вокруг отдельного конфликта (в случае юридической драмы – отдельного судебного дела или преступления). Таким образом, разрешение проблемы происходит под конец каждой серии, а значит начать смотреть такой сериал без ущерба для понимания можно с любого эпизода или сезона.

Источником материала послужили телевизионные сериалы “How to Get Away with Murder” («Как избежать наказания за убийство» в переводе студии «Кириллица» по заказу телеканала FOX), “The Defenders” («Фишки. Деньги. Адвокаты» в переводе кинокомпании SET Russia), “The Good Wife” («Хорошая жена» в переводе кинокомпании Universal Russia) и “The Good Fight” («Хорошая борьба» в переводе студии «Amedia»). Выбор источников

материала был обусловлен наличием профессионально выполненного перевода (закадрового озвучивания или дубляжа).

В юридическом дискурсе выбранных нами сериалов реализуется три основных типа коммуникативных ситуаций: юрист-юрист, юрист-клиент, юрист-свидетель. В пределах коммуникативной ситуации каждого типа участники коммуникации употребляют в своей речи юридические термины-метафоры.

В рамках исследования нами было проанализировано 310 примеров перевода юридических терминов-метафор (см. прил.). В большинстве примеров юридическая метафора при переводе опускалась или заменялась на нейтральное слово или словосочетание, не являющееся метафорой в языке перевода. В некоторых примерах образ исходной терминологической единицы эквивалентен образу её переводного соответствия, т.е. наблюдается сохранение образа. В отдельных случаях переводчик передавал исходную метафору путём неметафорического объяснения (описательного перевода) или прибегал к переводу, который был основан на отличном образе. В редких случаях встречался дословный перевод метафоры. Реже всего при переводе исходной метафоры переводчик использовал в качестве переводного соответствия русскоязычную метафору, основывающуюся на ином схожем образе.

Рассмотрим каждый из способов перевода юридических метафор на конкретных примерах.

2.1 Перевод метафоры с сохранением образа

В 39 примерах (12,6%) переводчикам удавалось подобрать в языке перевода эквивалент, основывающийся на том же образе, что и исходная терминологическая единица. В таких случаях переводчик шёл по пути сходного метафорического проецирования, и в процессе перевода

концептуальный сдвиг не происходил. Перейдём к рассмотрению примеров перевода метафоры с сохранением образа.

Пример 1:

Оригинал	Перевод
<p>– Have them turn themselves in, and I'll consider not hitting them with <u>money laundering</u>. (TD-1-2; здесь и далее в скобках – название телесериала-сезон-серия)</p>	<p>– Нет, пускай приходят с повинной. Я подумаю, может не буду предъявлять <u>отмывание денег</u>. (ФДА-1-2)</p>

Как отмечает Н.Н. Русецкая, концептуальной метафоре MONEY IS DIRT в английском языке соответствует концептуальная метафора ДЕНЬГИ ЭТО ГРЯЗЬ в русском (Русецкая 2016). Так, в английском языке термин *dirty money* понимается как «*money earned in an illegal activity*» (Merriam-Webster Dictionary). В русском существует эквивалентная метафора «грязные деньги», т.е. «деньги, заработанные нечестным путём, добытые обманом, мошенничеством» (Большой словарь русских поговорок).

Дальнейшие действия с полученными подобным образом деньгами также осмысливаются через вышеупомянутые концептуальные метафоры. Как пишет Д. Робинсон, процесс отмывания денег называется именно так, потому что данный образ идеально описывает то, что с ними происходит – незаконные или «грязные» деньги подвергаются различным манипуляциям или «отмываются», в результате чего становятся законными или «чистыми» (Robinson 1998).

Термин *money laundering* в английском языке имеет следующее определение: «*a financial transaction scheme that aims to conceal the identity, source, and destination of illicitly-obtained money*» (Wex Dictionary). Аналогично в русском существует процедура «отмывания денег», т.е. «совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретёнными другими лицами преступным путём,

в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами» (ст. 174 УК РФ).

Следовательно, в процессе наименования данного понятия носители русского языка и носители английского языка опирались на эквивалентные исходные понятийные области и образы, что позволило переводчику сохранить образную составляющую терминологической единицы при переводе.

Пример 2:

Оригинал	Перевод
– I may agree with you on the <u>spirit</u> , but not the letter <u>of the law</u> . (TGF-1-3)	– Я могу согласиться с вами в плане <u>духа</u> , но не в плане буквы <u>закона</u> . (ХБ-1-3)

В английском языке право часто рассматривается метафорически через концепт живого существа – LAW IS A LIVING ENTITY, которому присущи качества и поведение животного или человека. Так, например, право может быть «живым» (*living law, Our Lady the Common Law*), иметь собственное тело (*body of law, arm of the law, eye of the law, flesh of the law*) и даже обзавестись «семьёй» (*family of directives, daughter directive, creature of law*). Оно может быть наделено определёнными качествами: хитростью (*tricks of law*), гениальностью (*genius of law*), суровостью (*harsh law*).

В русском языке также прослеживается использование метафорической модели ПРАВО ЭТО ЖИВАЯ СУЩНОСТЬ, например: плоть закона, руки закона, в глазах закона, разумный закон, суровый закон.

В данном примере англоязычная метафора *spirit of the law*, образованная по метафорической модели LAW IS A LIVING ENTITY и означающая «*the real meaning or intention of a law, even if the way it is written does not express this*» (Macmillan Dictionary), при переводе заменяется на образованную по аналогичной модели метафору «дух закона», под которой понимается истинная воля законодателя, необходимость и целесообразность применения

определённого закона в той ли иной степени в конкретном случае (Малый академический словарь русского языка).

Пример 3:

Оригинал	Перевод
– It’s not even clear that we’re responsible. I mean, what else did these kids eat? That’s what I want to know.	– И ещё неясно, виновны ли в этом именно мы. Что ещё ели эти дети? Вот, что я хотел бы знать.
– Oh, yes, that’s a great <u>line of defense</u> . (TGW-3-3)	– Да, отличная <u>линия защиты</u> . (ХЖ-3-3)

Англоязычная метафора *line of defense* и русскоязычная метафора «линия защиты» относятся к категории онтологических метафор и концептуализируют абстрактную сущность «защита» путём очерчивания её формы и границ в пространстве.

В специализированных англоязычных и русскоязычных словарях не даются определения данных терминов-метафор. Для того, чтобы определить их значения, мы рассмотрели примеры их использования в правовом контексте:

1) *Your criminal defense lawyer can identify the weaknesses in the prosecution’s case and determine your best **line of defense*** (37);

2) *We analyze your case from all angles, consider every **possible line of defense**, bounce ideas off one another to ensure nothing is overlooked, and even bring in subject-matter experts as needed* (30);

3) *Цена ошибки – значительные временные и финансовые издержки, неверно выбранная **линия судебной защиты** прав* (23);

4) **Линия защиты** – это основная идея, направление действий на весь период предварительного следствия и судебного разбирательства (20).

Таким образом, контекстный анализ позволил нам сделать вывод о том, что термин *line of defense* в английском и термин «линия защиты» в русском языке обозначают стратегию или тактику, которую применяет адвокат для защиты интересов своего клиента. Следовательно, значения терминов

совпадают, и мы имеем дело с терминологическими соответствиями. В данном случае образная составляющая термина – *line* и линия – является общей для англоязычной и русскоязычной терминологических единиц.

Пример 4:

Оригинал	Перевод
– Now, remember the burden of proof on a grand jury is low . Your job is merely to indict, not to convict. (TGF-1-7)	– Помните, что для большого жюри бремя доказывания легче . Ваша задача обвинить, а не доказать виновность. (ХБ-1-7)

В данном примере перед переводчиком стояла задача воссоздать сразу два метафорических образа, скрывающихся в смысловой структуре терминологической единицы *low burden of proof* – *burden* и *low*. Первый образ удаётся воссоздать благодаря тому, что англоязычный юридический термин *burden of proof* имеет полный и равнозначный эквивалент в русском языке – бремя доказывания. Бремя доказывания – это «правило распределения между участниками процесса обязанности обосновывать наличие тех или иных обстоятельств, существенных для разрешения дела» (Экономика и право: словарь-справочник). Образ «ноши», возлагаемой на сторону, ответственную за юридическое доказывание факта, сохраняется как в англоязычной, так и в русскоязычной терминологической единице.

В семантической структуре термина *low burden of proof* присутствует сема «сложность», выраженная количественной метафорой «ВЫСОКИЙ – НИЗКИЙ». Контекстный анализ показал, что «низкое» бремя доказывания (*low burden of proof*) предполагает, что обременённой стороне не требуется предоставить многочисленные доказательства для обоснования обстоятельств дела:

*The ruling continues a trend of cases that have, in effect, expanded the definition of “willful” conduct and that, at the same time, have established a relatively **low burden of proof** necessary to establish such conduct (29).*

«Высокое» бремя (*high burden of proof*), наоборот, значит, что для того, чтобы убедить присяжных или судью принять решение в свою пользу, обременённая сторона должна предоставить значительное количество весомых доказательств:

*Criminal cases have **the highest burdens**. The United States Constitution requires that the government meet a very **high burden** when alleging crimes against another -- the defendant* (36).

Сема «сложность», входящая в семантическую структуру англоязычного термина, также может быть представлена такой оценочной метафорой, как «ТЯЖЁЛЫЙ – ЛЁГКИЙ»: *heavy burden of proof* и *light burden of proof*.

В русском языке данный образный компонент термина реализуется через оппозицию «тяжёлый/лёгкий», поэтому сохранить его не представляется возможным. Таким образом, первый образ воссоздаётся в языке перевода, а второй заменяется на отличный.

Пример 5:

Оригинал	Перевод
– Ms. Sharma is not being accused of breaking any laws or exploiting any loopholes . (TGW-3-19)	– Мисс Шарму не обвиняют в нарушении каких-либо законов или использовании каких-либо лазеек . (ХЖ-3-19)
– But you're creating a loophole in liability law. (TGW-1-7)	– Вы ищете лазейку в обязательственном праве. (ХЖ-1-7)

Словарь Cambridge Dictionary даёт следующее определение юридическому термину *loophole*: «*a small mistake in an agreement or law that gives someone the chance to avoid having to do something*» (Cambridge Dictionary). В специализированных русскоязычных словарях термин «лазейка» не представлен, однако контекстный анализ позволяет нам сделать вывод о совпадении значений рассматриваемых терминов:

1) *There are **loopholes** in the current law that still leave people vulnerable* (Macmillan Dictionary);

2) Однако экологи опасаются, что в законе оставлена существенная лазейка: он не распространяется на использование диких животных в медицинских целях (13).

Более того, Кембриджский англо-русский словарь предлагает аналогичный вариант перевода термина в правовом контексте с английского языка на русский: *loophole* – лазейка (Кембриджский англо-русский словарь).

В данном случае англоязычный и русскоязычный термины образуются по артефактной метафорической модели и имеют одну и ту же сферу-источник – «постройки и части сооружений». Образ, лежащий в основе метафорического переосмысления (*loophole*/лазейка), является актуальным как для англо-американской, так и для российской юриспруденции.

Пример 6:

Оригинал	Перевод
– Mr. Saverese is trying to <u>skirt the requirements of the law</u> . (TGW-4-2)	– Мистер Савериз пытается <u>обойти требования закона</u> . (ХЖ-4-2)

В специализированных англоязычных и русскоязычных словарях определения терминов *skirt the law* и «обойти закон» не представлены. Для определения значений терминологических единиц нами были рассмотрены примеры их использования в правовом контексте:

1) *Although official revenue estimators tried to take some tax-avoidance behavior into account, history tells us that the new law could cost even more over time as well-off taxpayers find more ways to skirt the law's provisions* (9);

2) Обойти закон нельзя, за одно такое предложение надо отдавать под суд – эти ленинские слова цитировались в своё время всеми идеологами социалистической законности (16).

Таким образом, контекстный анализ позволил нам сделать вывод о том, что значения англоязычного термина *skirt the law* и русскоязычного термина «обойти закон» совпадают, и мы имеем дело с терминологическими соответствиями.

В английской и в русской языковых картинах мира концепт ЗАКОН представляется объектом, который находится в пространстве и имеет определённые границы, которые можно обойти или обогнуть. Метафорический концепт ДВИЖЕНИЕ реализуется при помощи глагола «обогнуть» в русском языке и глагола *skirt* в английском. Следовательно, образ, лежащий в основе метафорического переосмысления, при переводе сохраняется.

Пример 7:

Оригинал	Перевод
– So... according to this article, the DEA can't use classified information to build a case so it creates a new evidence trail. (TGW-5-13)	– И... согласно этой статье, УБН не может строить обвинения на засекреченной информации, так что они создают новую цепочку улик. (ХЖ-5-13)

В данном примере мы имеем дело с англоязычной метафорой *build a case* (досл. «строить дело»), образованной по метафорической модели A CASE IS A BUILDING и означающей «*to collect facts and information in order to prove in a court of law that someone is guilty or not guilty*» (Cambridge Dictionary).

В русскоязычных словарях определение термина «строить обвинения» не представлено, поэтому для установления его значения нами были рассмотрены примеры его использования в правовом контексте:

1) Для меня, как юриста, непонятно, как можно **строить обвинения** на таких показаниях (21).

2) Положения статьи 14 УПК РФ не позволяют следователю **строить обвинения** на предположениях, а статьи 21, 73, 171 и 220 УПК РФ обязывают его принять необходимые меры по установлению события и обстоятельств преступления, изобличению виновных лиц в его совершении, в том числе мотива как неотъемлемой части его субъективной стороны (18).

Таким образом, контекстный анализ позволил нам сделать вывод о том, что под термином *build a case* в английском языке и термином «строить обвинения» в русском языке понимается «собирать сведения и показания

свидетелей для их предоставления в качестве доказательств по делу». Следовательно, в данном контексте значения терминов совпадают, а сами термины являются терминологическими соответствиями.

Русскоязычный термин «строить обвинения» образуется по аналогичной модели ОБВИНЕНИЕ ЭТО ЗДАНИЕ, что значит, что образная составляющая терминов – *build* и строить – является общей для англоязычной и русскоязычной терминологических единиц. Таким образом, при переводе образ, лежащий в основе метафорического переосмысления, сохраняется.

2.2 Перевод метафоры, основывающийся на ином схожем образе

В 10 примерах (3,2%) переводчики использовали в языке перевода метафору-аналог, создающую образ, аналогичный (схожий, но не тождественный) образу исходного термина-метафоры.

Пример 8:

Оригинал	Перевод
– Our state’s attorney seems intent on retrying me, no matter how <u>thin the evidence</u> . (TGW-1-17)	– Наш прокурор явно намерен снова меня засадить, невзирая на <u>хлипкие доказательства</u> . (ХЖ-1-17)

Словарь Collins Dictionary определяет термин *thin evidence* следующим образом: «*weak and difficult to believe*» (Collins Dictionary). В семантической структуре термина *thin evidence* присутствуют семы «убедительность», «достаточность», выраженные используемым в переносном смысле прилагательным *thin*. Согласно Cambridge Dictionary, данное прилагательное имеет переносное значение «*lacking force or substance; weak*» (Cambridge Dictionary).

В русском языке недостаточность доказательств может выражаться через антропоморфную метафору «слабый» («слабые доказательства») или онтологическую метафору «хлипкий» («хлипкие доказательства»).

В данном случае переводчик заменяет образ слабости, тонкости, исхудалости, скудности на схожий образ хрупкости и слабости, который также позволяет передать идею недостаточной доказательной силы.

Пример 9:

Оригинал	Перевод
– All those charges were dropped . That puts me back where I belong. (TGW-1-23)	– Все обвинения сняты . Теперь я снова там, где я должен быть. (ХЖ-1-23)

Согласно словарю Macmillan Dictionary, термин *drop the charges* имеет следующее определение: «*no longer officially accuse someone of a crime*» (Macmillan Dictionary). В семантической структуре термина присутствует функциональная метафора, основанная на нестандартном сочетании глагола *drop* (досл. «уронить») и существительного *charges* («обвинения»).

В русском языке образность термина реализуется через сочетание существительного «обвинения» с глаголом «снять» в переносном значении. Следовательно, при переводе образ «падения» заменяется на схожий образ «снятия», позволяющий передать значение «освобождение от вины».

Пример 10:

Оригинал	Перевод
– They just want me to talk to my law firm about them dropping a suit . (TGW-2-5)	– Они хотят, чтобы я уговорил свою фирму бросить одно дело . (ХЖ-2-5)

В данном примере мы также имеем дело с функциональной метафорой, которая реализуется через нестандартное сочетание глагола *drop* (досл. «уронить»), используемого в переносном значении «*to decide not to continue with a court case or suit*» (Macmillan Dictionary), и существительного *suit* («иск»).

В специализированных англоязычных словарях определение термина *drop a suit* не представлено. Для установления значения анализируемой терминологической единицы нами были рассмотрены примеры её использования в правовом контексте:

1) *John Otman then saw Plaintiff and stated to him the proposition of Fish, to which Plaintiff replied, he would consent to it and **drop the suit** and each pay his own costs, and let the witnesses go home (32);*

2) *The Justice Department has **dropped a lawsuit** that accused Yale University of discriminating against Asian and White applicants, but the agency said it will continue to investigate the school's admissions practices (28).*

Контекстный анализ позволил нам сделать вывод о том, что англоязычный юридический термин *drop a suit* эквивалентен русскоязычным терминам «отозвать (судебный) иск», «отказаться от (судебного) иска», «прекратить дело».

При переводе на русский язык данный термин может также заменяться на терминологическую единицу «бросить дело», основывающуюся на ином схожем образе. Образный компонент термина «бросить дело» реализуется через нестандартное сочетание глагола «бросить», употребляемого в переносном значении «прекратить делать что-нибудь» (Толковый словарь Ожегова), и существительного «иск».

Таким образом, при переводе образ «падения» заменяется на схожий образ «бросания», позволяющий передать значение «перестать заниматься чем-либо».

2.3 Перевод метафоры, основывающийся на отличном образе

В 38 примерах (12,2%) исходная метафора при переводе заменялась на метафору, основывающуюся на отличном образе. Разница в образах объясняется различиями в том, как носители языка перевода и носители исходного языка концептуализируют окружающую их внеязыковую действительность. Так, в процессе наименования того или иного объекта носители разных языков могут обращаться к разным исходным понятийным образам.

Пример 11:

Оригинал	Перевод
– Mr. Hobson, of all the theories I've heard from both sides, this is the first one that's had something resembling hard evidence . (TGW-4-17)	– Ну, мистер Хобсон, из всех версий, которые я слышал, это первая, у которой есть веские доказательства . (ХЖ-4-17)

Словарь Collins Dictionary определяет термин *hard evidence* следующим образом: «*evidence or facts that are definitely true and do not need to be questioned*» (Collins Dictionary). В семантической структуре термина можно выделить сему «*true, unquestionable*», выраженную перцептивной метафорой *hard* (досл. «твёрдый»).

В русском же языке основательность и неоспоримость доказательств выражается через оценочную метафору «вес» («весомые доказательства», «веские доказательства») или через сравнение с другими физическими объектами («железные доказательства», «железобетонные доказательства»).

Таким образом, при переводе исходный образ заменяется на образ, близкий принимающей культуре.

Пример 12:

Оригинал	Перевод
– And in this case, you didn't have any solid evidence that Justice Ludwig had actually accepted a bribe, did you? (TGW-4-17)	– Значит у вас на самом деле нет прямых доказательств , что судья Людвиг брал взятки? (ХЖ-4-17)

Как и в предыдущем примере, термин *solid evidence* (досл. «твёрдые доказательства») обозначает неопровержимые, убедительные доказательства и является синонимом термина *hard evidence* (Collins Dictionary). В данном примере переводчик принимает решение отойти от значения «неоспоримые» и при переводе заменяет исходную терминологическую единицу на термин «прямые доказательства», содержащую в своей семантической структуре онтологическую метафору «прямой».

Под «прямыми доказательствами» понимаются такие доказательства, которые указывают «на доказываемое обстоятельство прямо, непосредственно, одноступенчато» (Лазарева 2013:229). Как отмечает В.А. Лазарева, прямые доказательства не являются бесспорными и так же, как и любые другие доказательства, подлежат проверке и оценке их достоверности, достаточности и допустимости (Лазарева 2013).

Таким образом, при переводе происходит не только замена исходного образа, но и утрата значения «бесспорный», «неоспоримый».

Пример 13:

Оригинал	Перевод
– He might be doing something at Mr. Kresteva’s bidding in order to <u>lighten his sentence.</u> (TGF-1-5)	– Он делает что-то для мистера Крестива, чтобы <u>смягчить приговор.</u> (ХБ-1-5)
– They’re police insiders who sell information to prisoners so that they can snitch on their cell mates in exchange for a <u>lighter sentence.</u> (TGW-5-1)	– Это инсайдеры-полицейские, продающие информацию заключённым, которые следят за сокамерниками для получения <u>более мягкого приговора.</u> (ХЖ-5-1)

Термин *light sentence* в английском языке используется для обозначения «*short, less severe sentence*» (Cambridge Dictionary). Значения «короткий», «менее строгий» выражаются через оценочную метафору *light* (досл. «лёгкий»).

В русском языке данное значение воспроизводится при помощи перцептивной метафоры «мягкий» (напр., «мягкий приговор», «мягкое наказание»), поэтому сохранить исходный образ при переводе не представляется возможным. Таким образом, переводчик принимает решение заменить исходный образ на образ, использующийся в языке перевода.

2.4 Дословный перевод метафоры

К дословному переводу переводчики прибегали в тех случаях, когда переводимый термин-метафора относился к категории безэквивалентной лексики. Однако не всегда такое переводческое решение являлось удачным, и зачастую содержание переведённых с помощью калькирования терминов-метафор оставалось нераскрытым. Как отмечает Л.С. Бархударов, такая проблема возникает по причине того, что «сложные и составные слова и устойчивые словосочетания, при переводе которых калькирование используется чаще всего, нередко имеют значение, не равное сумме значений их компонентов, а поскольку при калькировании используются эквиваленты именно этих компонентов, значение всего лексического образования в целом может остаться нераскрытым» (Бархударов 1975:99).

Таким образом, если зритель не знаком с языком оригинала и юридической терминологией исходной правовой системы, он вряд ли сможет понять значение калькируемого термина-метафоры без каких-либо дополнительных пояснений. Перейдём к анализу примеров дословного перевода терминов-метафор.

Пример 14:

Оригинал	Перевод	Вариант, предложенный автором
– That’s blood, Jon, on the floor of your car. We’re testing it now, and my guess is, it’s going to come back as the blood of Mr. Lightbox, the murdered pharmacist. – Inadmissible, Cary, and you know it. Fruit of the poisonous tree. (TGW-2-10)	– Это кровь, Джон, на полу твоей машины. Её сейчас исследуют, и я думаю скоро выяснится, что это кровь мистера Лайтбокса, убитого фармацевта. – Недопустимо, Кэри, ты же сам знаешь. Плод отравленного дерева. (ХЖ-2-10)	– Это кровь, Джон, на полу твоей машины. Её сейчас исследуют, и я думаю скоро выяснится, что это кровь мистера Лайтбокса, убитого фармацевта. – Недопустимо, Кэри, ты же знаешь. Недопустимое доказательство.

Как мы видим, в оригинале используется термин-метафора *fruit of the poisonous tree*, не имеющий прямого эквивалента в русском языке. Энциклопедия американского права Уэста даёт этому термину следующее определение: «*evidence later discovered because of knowledge gained from the first illegal search, arrest, or interrogation*» (West's Encyclopedia of American Law). В американской теории доказательств существует особое правило недопустимости доказательств, именуемое доктриной «плодов отравленного дерева». Согласно этому правилу, отравленное дерево даёт отравленные плоды, а значит из судебного разбирательства должны быть исключены как недопустимые любые материалы, которые были получены на основании использования первоначальных незаконно полученных сведений или доказательств. Таким образом, «плоды отравленного дерева» – это доказательства, исключаемые из разбирательства по делу как доказательства, являющиеся производными от незаконно полученных сведений или доказательств (Барыгина 2019).

В отличие от правовой системы США, в российской системе права данное правило не закреплено на законодательном уровне, но всё же применяется судами в рамках уголовного судопроизводства. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Хакасия в рамках рассмотрения кассационной жалобы на судебном заседании от 9 июня 2004 г. исключила из доказательств, приведённых в приговоре, заключения автотехнических экспертиз, которые были основаны на данных, полученных в результате следственного эксперимента, признанного судом недопустимым доказательством (Кассационное определение Верховного суда Республики Хакасия от 09.06.2004 № 22-653/04).

Более того, многие отечественные юристы отмечают необходимость внесения изменений в п. 4 ч. 2 ст. 75 «Недопустимые доказательства» УПК РФ и включения в список недопустимых доказательств «доказательства, полученные на основании доказательств, признанных следователем,

дознанием, прокурором и судом недопустимыми доказательствами» (Барыгина 2019:146).

Дословный перевод данного термина-метафоры позволяет сохранить образность лексической единицы. Однако полученная единица может оказаться непонятной зрителям, незнакомым с тонкостями американской правовой системы. Поскольку временные ограничения, накладываемые на аудиовизуальный перевод, не позволяют в данном случае использовать термин, переведённый описательно, то представляется наиболее правильным прибегнуть к такой переводческой трансформации, как генерализация, и предложить следующий вариант перевода термина-метафоры *fruit of the poisonous tree* – недопустимое доказательство.

Пример 15:

Оригинал	Перевод	Вариант, предложенный автором
<p>– Okay, we can't say that, but I'm backing away from Mr. Sweeney's defense.</p> <p>– <u>A Chinese wall</u>. You and Alicia continue, and we'll say no more. Make any deal you can, defend him any way you can. We won't talk to you, you won't talk to us. Okay? (TGW-1-22)</p>	<p>– Хорошо, мы не можем говорить это, но я отхожу от защиты мистера Свини.</p> <p>– <u>Китайская стена</u>. Вы с Алисией продолжаете, а мы полностью отходим от дел. Пытайтесь добиться максимума, защищайте его, как только можете. Но вы не разговариваете с нами, а мы – с вами. Договорились? (ХЖ-1-22)</p>	<p>– Хорошо, мы не можем говорить это, но я отхожу от защиты мистера Свини.</p> <p>– <u>Принцип китайской стены</u>: вы с Алисией продолжаете, а мы полностью отходим от дел. Пытайтесь добиться максимума, защищайте его, как только можете. Но вы не разговариваете с нами, а мы с вами. Договорились?</p>

В данной сцене главные персонажи, коллеги по юридической фирме, обсуждают защиту одного из своих клиентов, Колина Свини, обвиняемого в убийстве. Часть юристов, работающих в фирме, представляют интересы компании, генеральным директором которой является мистер Свини, и занимаются юридическим сопровождением процедуры слияния. Другая часть

сотрудников представляет интересы мистера Свини в уголовном процессе. Узнав об уголовном деле, многие инвесторы, заинтересованные в слиянии, пытаются повлиять на исход дела для того, чтобы убрать Свини с руководящего поста. Поэтому, в целях предотвращения конфликта интересов и распространения конфиденциальной информации внутри фирмы, адвокаты договариваются о применении так называемого принципа «китайской стены».

USLegal Dictionary определяет термин *Chinese wall* следующим образом: «*procedures taken by a firm to prevent information obtained while representing a client from being disclosed to employees in the same firm who represent other clients that may profit from the information*» (USLegal Dictionary).

Русскоязычный термин «принцип китайской стены» (или «система китайской стены»), калькированный с англоязычного, в основном употребляется экономистами для обозначения принципа разделения функций организации, работающей в сфере финансов и торговли ценными бумагами. Однако он также встречается в текстах статей, посвященных анализу юридической практики и рассмотрению проблемы конфликта интересов.

Поскольку в данном случае образность исходной единицы будет понятна реципиенту, дословный перевод данного термина-метафоры представляется нам уместным. Для того, чтобы обеспечить более полное понимание термина, нам кажется правильным добавить к полученной единице слово «принцип» или «система», поскольку время звучания речи персонажа как раз позволяет переводчику это сделать.

Пример 16:

Оригинал	Перевод	Вариант, предложенный автором
– This guy definitely saw something, but he won't testify. (...)	– Этот парень точно что-то видел, но показаний не даст. (...)	– Этот парень точно что-то видел, но показаний не даст. (...)
– We can treat him as a hostile witness . (TGF-1-9)	– Сделаем его враждебным свидетелем . (ХБ-1-9)	– Можем считать его враждебным свидетелем .

Согласно Collins Dictionary, термин *hostile witness* имеет следующее определение: «*a witness expected to give testimony favourable to the examiner but who in fact begins to give testimony not only unhelpful to the case but directed against it*» (Collins Dictionary). Как отмечается в словаре The People's Law Dictionary, свидетель, который отказался давать показания в пользу вызвавшей его стороны или дал показания, противоречащие его первоначальным заявлениям в пользу этой стороны, может по решению суда быть подвергнут перекрёстному допросу для установления истинности его свидетельских показаний или их опровержения (The People's Law Dictionary). Такой свидетель объявляется судом *hostile* (досл. «враждебным») и перестает считаться свидетелем той стороны, которая его вызвала. Свидетель же, дающий показания в пользу выставившей его стороны, называется *friendly witness* (досл. «дружелюбный свидетель»).

В русском языке официального закреплённого термина, который бы обозначал настроенного в пользу противной стороны свидетеля, не существует. Англо-русский юридический словарь С.Н. Андрианова, А.С. Никифорова и А.С. Берсона предлагает описательный перевод данной единицы: «свидетель, дающий показания в пользу противной стороны» (Англо-русский юридический словарь).

Однако временные рамки звучания речи персонажа не позволяют нам перевести данный термин подобным образом. Обратившись к статьям, опубликованным на сайтах авторитетных русскоязычных СМИ, и специальной литературе, мы обнаружили, что во многих из них используется лексическая единица, полученная с помощью дословного перевода – «враждебный свидетель». Поэтому нам кажется удачным решением оставить словосочетание «враждебный свидетель» (с учётом того, что образ «враждебности» будет понят зрителем в верном ключе), при этом заменив неудачно употреблённый глагол «сделаем» на «можем считать» или «объявим».

Пример 17:

Оригинал	Перевод
– She needs to convince two of the three <u>swing votes</u> for the FCC to drop their fine. (TGW-4-7)	– Ей нужно получить два голоса из <u>колеблющихся</u> трёх, чтобы ФКС не наложила штраф. (ХЖ-4-7)

Как отмечается в словаре Collins Dictionary: «*in a situation when people are about to vote, the swing vote is used to talk about the vote of a person or group which is difficult to predict and which will be important in deciding the result*» (Collins Dictionary). В основном термин *swing vote* используется в политическом дискурсе для обозначения избирателей, которые не могут однозначно решить, за какого кандидата они отдадут свой голос. Однако он также может употребляться для обозначения присяжных или членов комиссии, которые не отдают явного предпочтения какой-то одной конкретной стороне. Контекстный анализ показал, что в русскоязычных источниках может употребляться единица, переведённая с помощью калькирования с сохранением исходного образа: «колеблющийся голос»:

1) *А если большинство очень шаткое, то **колеблющиеся голоса** становятся просто золотыми* (11);

2) *<...> воздействие структуры акционерного капитала, создающей возможность оказывать влияние на **«колеблющиеся голоса»** <...>* (22).

Пример 18:

Оригинал	Перевод
– Well, you try to get rid of me, it'll cost you every cent of your <u>golden parachute</u> . (TGW-1-9)	– Давайте, избавьтесь от меня, это обойдется вам в каждый цент вашего <u>золотого парашюта</u> . (ХЖ-1-9)
– Jonas, you take our clients, you forfeit your <u>golden parachute</u> . (TGW-1-9)	– Джонас, заберёшь наших клиентов – потеряешь <u>золотой парашют</u> . (ХЖ-1-9)

Согласно Cambridge Dictionary, термин *golden parachute* можно определить следующим образом: «*a large payment made to an executive if they*

are forced to leave a company, for example, if it is bought by another company» (Cambridge Dictionary). В Трудовом кодексе Российской Федерации используется понятие «компенсация»: «в случае прекращения трудового договора с руководителем организации в соответствии с пунктом 2 части первой статьи 278 настоящего Кодекса при отсутствии виновных действий (бездействия) руководителя ему выплачивается компенсация» (п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ).

Однако контекстный анализ юридических порталов и форумов, а также научной литературы в области юриспруденции, показал, что в коммуникативной ситуации типа «юрист-юрист» часто используется калькированная с английского термина единица «золотой парашют»:

1) *В документе определены критерии для определения размера «золотых парашютов», регламентирована ответственность топ-менеджмента компании, а также закреплено право собственников увольнять руководителей без объяснения причин (14);*

2) *Законодателю следует чётко оговорить условия возможности получения «золотого парашюта» и ограничить возможности топ-менеджера при увольнении узким исчерпывающим перечнем условий (19).*

В разговорной речи лексическая единица «золотой парашют» может также употребляться для обозначения единоразовых выплат чиновникам и высокопоставленным государственным служащим при выходе на пенсию по достижению пенсионного возраста.

Поскольку в данной сцене участники коммуникации – юристы – обсуждают уход директора юридической фирмы в связи с слиянием данной фирмы с другой компанией, дословный перевод термина *golden parachute* представляется нам удачным решением, позволяющим сохранить образность терминологической единицы и передать её содержание.

Как мы уже отмечали выше, калькирование терминов-метафор используется всего лишь в 3,9% примеров. Это объясняется тем, что в большинстве случаев калькированные термины являются недостаточными для

понимания содержания обозначаемого термином понятия и требуют соответствующих пояснений, поэтому переводчики, особенно при переводе аудиовизуальных произведений, редко прибегают к этому приёму.

2.5 Перевод метафоры путём неметафорического объяснения

Как и в случае с дословным переводом, описательный перевод используется тогда, когда подобрать эквивалент в языке, на который осуществляется перевод, не представляется возможным. В рамках перевода аудиовизуальных текстов переводчик не всегда имеет возможность прибегнуть к переводу иноязычного термина с помощью описательного оборота из-за временных ограничений и/или привязанности к звуковому и видеоряду. Однако в некоторых случаях вставить описательную конструкцию удаётся, и зачастую такие переводческие решения оказываются удачными, поскольку описательный перевод является наиболее адекватным способом передачи безэквивалентных юридических терминов-метафор. Перейдём к рассмотрению примеров описательного перевода.

Пример 19:

Оригинал	Перевод
– I move for an immediate gag order . (HTGAWM-1-7)	– Я требую <u>запрета на передачу данных СМИ</u> . (КИНЗУ-1-7)
– Call the judge and get a hearing for a gag order . (HTGAWM-1-7)	– Нужен <u>запрет на передачу информации СМИ</u> . (КИНЗУ-1-7)

В словаре The People’s Law Dictionary даётся следующее определение термина *gag order* (досл. «приказ-кляп»): «*a judge’s order prohibiting the attorneys and the parties to a pending lawsuit or criminal prosecution from talking to the media or the public about the case*» (The People’s Law Dictionary).

В США для обеспечения справедливости судебного разбирательства с участием присяжных суд предпринимает несколько мер. Поскольку свободе слова в американской системе права предоставляется практически

максимальная защита, ограничить право СМИ публиковать любые материалы о проходящем разбирательстве суд не может. Вместо этого он принимает такие решения, которые бы позволили избежать влияние СМИ на его деятельность и предотвратить возможность предубеждения присяжных заседателей. Одной из таких мер как раз-таки и может являться запрет на разглашение сведений о судебном разбирательстве СМИ или широкой публике.

Таким образом, описательный перевод термина-метафоры *gag order* представляется нам адекватным решением.

Пример 20:

Оригинал	Перевод
– I just got a call asking me to sit on a blue-ribbon panel , and, uh, as you can see, I’m, uh, fairly busy. (TGW-3-19)	– Мне только что звонили с приглашением принять участие в жюри особо избранных присяжных , а я, как ты видишь, занята. (ХЖ-3-19)

В американской системе права термин *blue-ribbon panel* (также используется вариант *blue-ribbon jury*) обозначает тщательно подобранную группу присяжных, отобранных из квалифицированных или высоко уважаемых граждан, которые назначаются судом для рассмотрения особо важных или запутанных дел. Так, словарь Collins Dictionary определяет этот термин следующим образом: «*a jury composed of persons having more than ordinary education and presumably exceptional intelligence and perceptiveness, selected by the court on the motion of plaintiff or defendant to try cases of unusual complexity or importance*» (Collins Dictionary). Особые присяжные обычно назначаются для рассмотрения сложных дел, связанных с предполагаемыми случаями политической коррупции, и никогда не выбираются для слушания других уголовных дел, поскольку это бы нарушало право подсудимого на рассмотрение дела равными ему присяжными (Wex Dictionary).

В российской системе права подобное явление отсутствует, поэтому описательный перевод является оптимальным решением для передачи значения анализируемого термина-метафоры.

Пример 21:

Оригинал	Перевод
– Objection, Your Honor. This evidence is subject to <u>Fruit of the Poisonous Tree</u> exclusion. (TGW-4-9)	– Протестую, Ваша честь. Эта улика подлежит исключению как <u>полученная благодаря незаконным действиям.</u> (ХЖ-4-9)
– I think you’re gonna have to exclude that previous wiretap, Mr. Perrotti. <u>Fruit of the poisonous tree.</u> (TGW-4-14)	– Я думаю, вам придётся исключить результаты прослушивания, мистер Перротти. <u>Улики получены незаконно.</u> (ХЖ-4-14)

Как уже отмечалось выше (см. Пример 14), под «плодами отравленного дерева» понимаются улики, полученные благодаря первоначальным незаконно добытым сведениям или доказательствам. Перевод данного термина-метафоры с помощью описательного оборота, там, где это возможно, является оптимальным решением для передачи содержания обозначаемого термином понятия.

Пример 22:

Оригинал	Перевод
– The problem with doping charges is the <u>burden of proof is reversed</u> --you have to prove you’re innocent. (TGW-4-12)	– Сложность разбирательства о допинге в том, что <u>доказывать должен ответчик.</u> Мы должны доказать, что невиновны. (ХЖ-4-12)

В англосаксонской системе права бремя доказывания как правило лежит на стороне обвинения (в уголовном деле) и на истце (в гражданско-правовом иске). Обвиняемый или ответчик не обязан доказывать свою невиновность (хотя, делать это ему не запрещается). Другими словами, бремя доказывания лежит прежде всего на том, кто обратился за судебной помощью (Васьковский

2005). Понятие бремени доказывания тесно связано с понятием презумпции. Под презумпцией понимается «установленное законом или прецедентом правило, в соответствии с которым определённый факт признаётся установленным в отсутствие доказательств противного» (Будылин 2014:11). Когда мы имеем дело с презумпцией, бремя доказывания лежит на той стороне, против которой эта презумпция направлена. Например, в гражданско-правовом иске такой стороной является истец.

В данной сцене адвокаты обсуждают дело, которое будет рассматриваться в спортивном арбитражном суде. Спортивные организации обычно используют презумпцию виновности и возлагают на спортсмена, который по их предположению нарушил антидопинговые правила, бремя опровергнуть обвинения или установить определённые обстоятельства дела.

Поскольку термин *reverse burden of proof* (досл. «обратное бремя доказывания») не имеет прямого эквивалента в русском языке, переводчик был вынужден прибегнуть к описательному переводу.

Пример 23:

Оригинал	Перевод
– You do understand I’ll be a hostile witness ? (TGW-2-7)	– Я буду не на вашей стороне . (ХЖ-2-7)

Как уже отмечалось выше (см. Пример 16), «враждебным» свидетелем считается тот свидетель, который даёт показания не в интересах вызвавшей его стороны, а в пользу противной стороны. В данном случае время звучания речи и длительность нахождения персонажа в кадре позволили переводчику прибегнуть к описательной конструкции для передачи содержания обозначаемого термином-метафорой понятия.

Пример 24:

Оригинал	Перевод
– Yeah, it just takes one to deadlock . (TGW-2-1)	– Достаточно одного, и присяжные не примут решение . (ХЖ-2-1)

Согласно словарю USLegal Dictionary, «*deadlocked jury (also called hung jury) is a jury that, despite honest attempts, is unable to reach a verdict by the required voting margin. Often, a deadlocked jury will lead to a retrial of the case*» (USLegal Dictionary). В англосаксонской правовой системе существует многовековая традиция, согласно которой вынесение вердикта требует единогласного решения со стороны присяжных. Так, например, вердикт по гражданскому делу может быть вынесен 5/6 или 3/4 голосов присяжных, по уголовному – 11/12, 10/11 или 9/10 голосов (Руденко 2011). В тех случаях, когда жюри не приходит к единогласному решению, суд вправе распустить такое жюри и назначить новое разбирательство. В данном примере термин-метафора *deadlock*, подразумевающий *deadlocked jury*, переводится с помощью описательного оборота, что, на наш взгляд, является единственно верным способом перевода данной единицы.

Пример 25:

Оригинал	Перевод
– Any unexplained delay in shipping “will constitute a break” in the <u>chain of custody</u> , and the test must be discarded. (TGW-4-12)	– Любая беспричинная задержка в доставке «нарушит <u>условия хранения образцов</u> », и анализ должен быть забракован. (ХЖ-4-12)

Согласно словарю The Free Dictionary под юридическим термином *chain of custody* (досл. «цепь хранения») понимается «*the movement and location of physical evidence from the time it is obtained until the time it is presented in court*» (The Free Dictionary). В американской системе права порядок обращения с вещественными и электронными доказательствами имеет первостепенное значение при рассмотрении дела в суде. Сведения об условиях хранения и перемещении любых доказательств, которые сторона собирается представить в суде для защиты своих интересов, должны быть соответствующим образом задокументированы. Если в процессе судебного заседания выяснится, что порядок приёма, хранения, учёта и передачи доказательств был нарушен или акты об их перемещении, составленные должным образом, отсутствуют, суд

вправе не учитывать такие доказательства при вынесении решения по результатам судебного разбирательства.

В специализированных англо-русских словарях данная терминологическая единица не представлена. Однако анализ нормативных правовых актов показал, что в российской правовой системе порядку приёма и передачи улик также уделяется особое внимание. Так, например, в постановлении Правительства РФ от 8 мая 2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учёта и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» устанавливаются правила, которые определяют порядок и условия хранения, учёта и передачи вещественных доказательств по уголовным делам в органах предварительного расследования, органах прокуратуры, судах с целью исключения их подмены, повреждения, порчи, ухудшения или утраты их индивидуальных признаков и свойств, а также обеспечения их безопасности (Постановление Правительства РФ от 8 мая 2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учёта и передачи вещественных доказательств по уголовным делам»). Помимо этого, вопросы хранения улик по уголовным делам также регулируются ст. 82 УПК РФ «Хранение вещественных доказательств» (УПК РФ).

Порядок обращения с вещественными доказательствами по гражданским делам определяется в ст. 74 ГПК РФ «Хранение вещественных доказательств» (ГПК РФ).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что терминологическая единица *chain of custody* может быть переведена на русский язык путём неметафорического объяснения – «условия хранения, учёта и передачи образцов». Однако временные рамки звучания речи персонажа не позволяют вместить данную лексическую единицу полностью. Поэтому переводчик принимает решение сократить её до «условия хранения образцов», что представляется нам удачным решением, поскольку в результате перевода смысл исходной реплики и значение терминологической единицы не утрачиваются.

Пример 26:

Оригинал	Перевод
– Dad, if they're offering ten years, they must have a weak case . (TGF-1-7)	– Папа, если они предлагают 10 лет, у них мало доказательств . (ХБ-1-7)

Как отмечается в словаре Collins Dictionary: «*if something such as an argument or case is weak, it is not convincing or there is little evidence to support it*» (Collins Dictionary). Таким образом, под «слабым» понимается то дело, которое имеет слабую или недостаточную доказательную базу.

Поскольку термин *weak case* не имеет прямого эквивалента в русском языке, переводчик был вынужден прибегнуть к описательному переводу данной терминологической единицы. Следовательно, антропоморфная метафора, сферой-источником которой является физическое качество силы/слабости, при переводе утрачивается.

2.6 Опускание или замена метафоры

Более, чем в половине проанализированных примеров перевода терминов-метафор (55,5%) переводчики заменяли исходную метафору на слово или словосочетание, не являющееся метафорой в языке перевода, или просто опускали её. Такой подход к переводу метафоры может объясняться зависимостью от звукового и/или видеоряда.

Пример 27:

Оригинал	Перевод
– There is no hard evidence tying this belt to Mr. Harrington... (HTGAWM-5-3)	– Нет доказательств , что этот ремень принадлежал мистеру Харрингтону... (КИНЗУ-5-3)

Как отмечалось выше (см. Пример 11), под термином *hard evidence* (досл. «твёрдые доказательства») понимаются основательные и убедительные доказательства, не вызывающие никаких сомнений и вопросов. В английском

языке значение неопровержимости реализуется с помощью перцептивной метафоры *hard*. В русском языке данное значение можно выразить через оценочную метафору «вес» («весомые доказательства») или через сравнение с другими физическими объектами («железные доказательства»).

Однако, в данном примере временные рамки звучания речи персонажа не позволяют сохранить не только образный компонент термина, но и значение «убедительный», «серьёзный». Ограничения, накладываемые на аудиовизуальный перевод, приводят к тому, что переводчику приходится жертвовать не только образностью, но и компонентом значения термина.

Пример 28:

Оригинал	Перевод
– Objection, Your Honor. Under the shield law of Illinois, reporters do not have to reveal their sources. (TGW-1-11)	– Протестую, Ваша честь. Согласно закону штата Иллинойс репортёры не обязаны раскрывать информаторов. (ХЖ-1-11)

Согласно The People’s Law Dictionary, термин *shield law* (досл. «защитит») имеет следующее значение: «*statutes enacted in some states which declare that communications between news reporters and informants are confidential and privileged and thus cannot be testified to in court*» (The People’s Law Dictionary). Новый большой англо-русский словарь предлагает следующий вариант перевода данной единицы: «закон, освобождающий журналиста от обязанности раскрывать источники конфиденциальной информации» (НБАРС). В русском языке не существует термина со сходным или иным образным компонентом, который бы передавал значение термина *shield law*, поэтому при переводе исходный образ утрачивается.

Более того, переводчик принимает решение отказаться и от описательного перевода англоязычного термина ввиду громоздкости получаемой единицы. Данный выбор кажется нам обоснованным, поскольку далее по тексту говорящий персонаж сам объясняет содержание упомянутого закона.

Пример 29:

Оригинал	Перевод
– Well, the bottom line is, it’s a cold case --a year-old unsolved homicide. (TGW-2-22)	– Так, в итоге у нас нераскрытое убийство годичной давности. (ХЖ-2-22)

Словарь Merriam-Webster даёт следующее определение термина *cold case* (досл. «холодное дело»): «*an unsolved criminal investigation (as of a homicide or abduction) that has stopped being actively pursued because of a lack of evidence*» (Merriam-Webster Dictionary). Таким образом, под «холодным» делом понимается нераскрытое преступление, расследование по которому было приостановлено («заморожено») в связи с отсутствием доказательств, необходимых для установления обстоятельств дела и личности виновного в преступлении. В структуре полицейского департамента США даже существует специальный отдел, сотрудники которого работают с нераскрытыми делами, по разным причинам оказавшимися в архивах. В названии этого отдела прослеживается использование того же образа, что и в анализируемой терминологической единице – *Cold Case Unit* («отдел нераскрытых дел»).

Контекстный русско-англо-русский словарь «Карта слов» предлагает следующие варианты перевода терминологической единицы *cold case*: «нераскрытое дело», «старое дело» (Контекстный русско-англо-русский словарь «Карта слов»).

Поскольку в оригинальной реплике сема «нераскрытое» является общей для идущих последовательно лексем *cold* и *unsolved*, переводчик принимает решение отказаться от повтора и опустить исходный образный термин. Следовательно, перцептивная метафора, сферой-источником которой является тактильное восприятие тепла/холода, при переводе утрачивается. Тем не менее, в данном случае опущение метафоры и потеря образности являются оправданными и не несут ущерба пониманию общего смысла высказывания. Таким образом, решение переводчика кажется нам удачным,

поскольку позволяет избежать возникновения избыточной информации и сократить длину получаемой в результате перевода реплики.

Пример 30:

Оригинал	Перевод
– Your Honor, this line of questioning should be excluded from the record. (TGW-4-2)	– Ваша честь, эта часть должна быть исключена из протокола. (ХЖ-4-2)
– I again object to this line of questioning as a delaying tactic. (TGW-5-1)	– Снова протестую. Это тактика отсрочки. (ХЖ-5-1)

Англоязычная метафора *line of questioning* относится к категории онтологических метафор, которые концептуализируют абстрактную сущность путём очерчивания её формы и границ в пространстве.

В словаре The Free Dictionary даётся следующее определение термина: «*an ordering of questions so as to develop a particular argument*» (The Free Dictionary). В специализированных англо-русских словарях данная терминологическая единица не представлена, поэтому для того, чтобы установить возможный вариант перевода, мы провели контекстный анализ на материале статей юридической тематики:

1) Допустим, следователь уверен, что выбранная им тактика и запланированная **линия допроса** приведёт к тому, что подозреваемый сознается в содеянном, и будет готов сотрудничать со следствием (17);

2) **Тактическая линия допроса** может варьироваться в силу принадлежности допрашиваемого к одной из значимых по объёму группе лиц (10).

Таким образом, контекстный анализ позволил нам сделать вывод о том, что англоязычный термин *line of questioning* и русскоязычный термин «линия допроса» являются терминологическими соответствиями с эквивалентной образной составляющей.

В первом примере переводчик заменяет исходный термин-метафору на нейтральное слово «часть», что, конечно, является допустимым вариантом перевода. Однако в целях сохранения образности терминологической

единицы нам кажется более верным использовать русскоязычный термин «линия допроса».

Во втором примере метафора *line of questioning* при переводе опускается. Опять же такое решение обуславливается накладываемыми на перевод временными ограничениями.

Пример 31:

Оригинал	Перевод
– I thought your schedule would be clear now that your <u>star witness</u> has abandoned you. (HTGAWM-2-6)	– Я решила, что вы наверняка будете не заняты, раз от вас ушёл <u>главный свидетель</u> . (КИНЗУ-2-6)

Согласно Longman Dictionary of Contemporary English, под термином *star witness* (досл. «звёздный свидетель», «свидетель-звезда») понимается «*an important witness who says things that help one side a lot*» (Longman Dictionary of Contemporary English). Таким образом, «звёздный» свидетель – это свидетель, который даёт важные показания, способные существенно повлиять на решение судьи или присяжных и решить исход дела. Сторона может иметь двух или трёх *star witnesses* в рамках одного и того же судебного разбирательства, если она приглашает сразу нескольких человек, чьи свидетельства могут служить основанием для вынесения обвинительного или оправдательного приговора.

Поскольку в русском языке термина со сходным или иным образным компонентом, который бы передавал значение исходного термина, не существует, переводчик подбирает наиболее близкое по значению нейтральное слово «главный».

Пример 32:

Оригинал	Перевод
– <u>Blanket immunity</u> to cover me and my associates for anything related to the night Emily Sinclair died. (HTGAWM-2-13)	– <u>Общий иммунитет</u> для меня и моих помощников касательно ночи смерти Эмили Синклер. (КИНЗУ-2-13)

В специализированных англоязычных словарях определение термина-метафоры *blanket immunity* (досл. «иммунитет-одеяло») не представлено, поэтому для определения его значения мы обратились к специализированным порталам и форумам, предназначенным для юристов. Так, юридический портал FindLaw содержит следующую информацию: «*Transactional immunity is the most complete immunity that can be offered to a witness. Also known as “blanket immunity”, it protects a person from prosecution of the crime involved*» (34). Таким образом, под *blanket immunity* понимается такой иммунитет, который защищает свидетеля от обвинений за преступления, связанные с его показаниями.

Контекстный анализ показал, что в русском языке подобный вид свидетельского иммунитета называется «общим»:

1) *Хотя судебная практика достаточно ограничена, представляется, что если иммунитет применяется, он предоставляет **общий иммунитет** от всякого применения власти системы уголовного правосудия в отношении данного лица, а не только того, которое непосредственно препятствует его или её свободе передвижения или непосредственно препятствует выполнению им или ею должностных функций* (15);

2) *Суд является единственной инстанцией, уполномоченной решать, применим ли **общий иммунитет**, которым обладает г-н аль-Башир как действующий глава государства, к этому конкретному случаю* (12).

Следовательно, при переводе переводчик осуществляет нейтральную замену, т.е. заменяет исходный термин с образным компонентом на принятую в языке перевода нейтральную терминологическую единицу.

Пример 33:

Оригинал	Перевод
– We don't have a smoking gun . Without that, we have to assume we're gonna lose the case on the merits. (TGF-1-5)	– У нас нет реальных улик . Над признать, что по существу дела мы проиграем. (ХБ-1-5)

Согласно Collins Dictionary, термин-метафора *smoking gun* (досл. «дымящийся пистолет») обозначает «*a piece of evidence that proves that something is true or that someone is responsible for a crime*» (Collins Dictionary). Образ метафоры связан с дымом, который исходит от огнестрельного оружия после выстрела и остаётся на одежде и теле выстрелившего.

Англо-русский словарь Мюллера даёт следующий вариант перевода данного термина на русский язык – «(любая) явная улика» (Англо-русский словарь Мюллера). Поскольку в русском языке не существует термина-метафоры, образ которого был бы эквивалентен образу исходной терминологической единицы, переводчику приходится жертвовать этой образностью.

В данном примере переводчик решает прибегнуть к нейтральной замене и использует словосочетание «реальные улики». Однако, на наш взгляд, в данном случае можно было использовать русскоязычную метафору, основывающуюся на отличном образе – «весомые улики».

Пример 34:

Оригинал	Перевод
– Well, if we can say that you're willing to, I'm sure I can get the charges dropped or at least reduced down to a <u>slap on the wrist fine</u> . (TD-1-9)	– Ну, если вы согласитесь, то я смогу добиться снятия обвинений или хотя бы снизить наказание до <u>небольшого штрафа</u> . (ФДА-1-9)

Специализированные англоязычные словари не дают определение термину *slap on the wrist fine* (досл. «штраф-шлепок по запястью»), поэтому для определения значения данной единицы, нами были рассмотрены примеры её использования в контексте:

1) *Everyone thought this was going to result in just another **slap-on-the-wrist fine** and the poachers would be free to keep poaching within a few months.* (38);

2) *A small **slap on the wrist fine** will not modify the behavior of talking and texting on the phone while driving* (33).

Таким образом, контекстный анализ позволил нам сделать вывод о том, что англоязычный термин *slap on the wrist fine* обозначает небольшой штраф. Поскольку в русском языке такого эквивалента данному термину, который бы содержал в своей структуре образный компонент, не существует, переводчик прибегает к нейтральной замене и при переводе заменяет исходный образный компонент *slap on the wrist* на нейтральное прилагательное «небольшой».

Пример 35:

Оригинал	Перевод
– We had agreements allowing for a late delivery.	– У нас были соглашения, оговаривающие задержки.
– Agreements? Good. Where are they?	– Соглашения? Отлично. И где же они?
– <u>Handshake agreements</u> . (TGW-2-20)	– <u>Устные соглашения</u> . (ХЖ-2-20)

Согласно Farlex Financial Dictionary, под термином *handshake agreement* (досл. «соглашение-рукопожатие») понимается «*an informal agreement in which major points are decided, but details may still need to be discussed; a handshake agreement is not finalized but indicates that the deal in question is likely to take place; often, but is not always, oral, rather than in writing*» (Farlex Financial Dictionary). Синонимами данной единицы могут являться такие термины, как *verbal agreement, oral agreement*.

Как и в предыдущем случае, в русском языке не существует термина-метафоры, который бы являлся эквивалентом термина *handshake agreement*. Таким образом, термин *handshake agreement* переводится как «устное соглашение», а образность исходной терминологической единицы утрачивается.

Пример 36:

Оригинал	Перевод
– Great, so we think the <u>whistle-blower</u> was an ASA? (TGW-2-23)	– Выходит, наш <u>информатор</u> – один из помощников прокурора? (ХЖ-2-23)

Словарь Investopedia определяет термин *whistleblower* (досл. «дующий в свисток») следующим образом: «*anyone who has and reports insider knowledge of illegal activities occurring in an organization*» (Investopedia Dictionary). Согласно информации, представленной на сайте Национального центра гражданских инициатив США (National Whistleblower Centre), *whistleblower* – это человек, который информирует надлежащие органы о случаях мошенничества, присвоения или растраты бюджетного имущества, злоупотребления полномочиями, коррупции или угрозы общественной безопасности (35). При этом отмечается, что информирующее лицо не обязательно должно являться сотрудником организации или органа, в которых совершаются такие преступления или правонарушения.

Лицам, заявившим о наблюдаемых или предполагаемых фактах нарушения закона, предоставляется государственная защита. Так, в США существует Закон о защите осведомителей (Whistleblower Protection Act of 1989), в соответствии с которым лицам, сообщившим властям о факте правонарушения, обеспечивается такое положение, при котором любые негативные действия, направленные в их сторону, или угроза их осуществления могут повлечь за собой ответственность, вплоть до уголовной (Артемьев 2016). В России единый закон о защите осведомителей ещё не разработан.

Новый большой англо-русский словарь предлагает переводить термин *whistleblower* как «доносчик» (НБАРС). Однако, на наш взгляд, слово «доносчик» в русском языке имеет негативную коннотацию, которая отсутствует у англоязычного термина. Англо-русский большой универсальный переводческий словарь даёт следующие варианты перевода: «разоблачитель», «заявитель», «обличитель» (Англо-русский большой универсальный переводческий словарь). Универсальный англо-русский словарь предлагает переводить данную терминологическую единицу следующим образом: «информатор», «лицо, заявившее о правонарушении или

правонарушителе», «разоблачитель» (Универсальный англо-русский словарь).

В данном примере переводчик решает опустить исходный образ и заменяет англоязычный термин на нейтральное слово «информатор», не являющееся метафорой в языке перевода.

Пример 37:

Оригинал	Перевод
– In fact, there’s been a rise in <u>stealth jurors</u> ... people who actively try to get on a jury to <u>sway the verdict</u> . (HTGAWM-1-5)	– Существуют даже <u>заведомо пристрастные присяжные</u> , которые пытаются <u>повлиять на вердикт</u> . (КИНЗУ-1-5)

В данном случае мы имеем дело сразу с двумя метафорами – *stealth jurors* (досл. «скрытные присяжные») и *sway the verdict* (досл. «склонить вердикт»).

Согласно APA Dictionary of Psychology, англоязычный термин *stealth juror* обозначает «*a juror who conceals his or her biases from the judge or attorneys during voir dire, usually in the hope of influencing the outcome of the trial or gaining money or publicity (e.g., via interviews or book deals) from the case*» (APA Dictionary of Psychology). Таким образом, под *stealth juror* понимается заведомо пристрастный, субъективный присяжный, настроенный против одной из сторон дела.

Определение второго анализируемого термина – *sway the verdict*, образность которого реализуется через нестандартное сочетание существительного *verdict* с глаголом *sway* в переносном значении, в специализированных англоязычных словарях не представлено. Для установления значения терминологической единицы нами были рассмотрены примеры её использования в контексте:

1) *To grant a new trial, the court would need to agree that any new information was not available at the time of the 2002 trial and that it had the potential to **sway the verdict*** (39);

2) *It's not clear how much money was allegedly offered or if more arrests are expected for trying to **sway the verdict** in Kartel's favor (27).*

Таким образом, контекстный анализ позволил нам сделать вывод о том, что англоязычный юридический термин *sway the verdict* эквивалентен русскоязычным терминам «повлиять на решение», «повлиять на вердикт», «склонить решение суда в чью-то сторону».

В обоих случаях переводчик решает прибегнуть к нейтральной замене терминов-метафор, что приводит к утрате образной составляющей терминологических единиц.

Пример 38:

Оригинал	Перевод
– So, you sign your first client, but you want a second associate <u>to be the face of the case.</u> (TGW-1-3)	– То есть это твой первый клиент, но <u>вести дело</u> будет другой адвокат. (ХЖ-1-3)

В данной сцене главные персонажи обсуждают защиту одного из своих клиентов. Адвокат Алисия Флоррик, которую назначили на это дело, раньше состояла в дружеских отношениях с родителями подзащитного. Поэтому, в целях соблюдения профессиональной этики, она просит назначить на роль главного адвоката своего коллегу. Сама Алисия готова стать вторым адвокатом, т.е. помощником главного, и помогать ему с организационно-бюрократическими вопросами.

Специализированные англоязычные словари не дают определение юридическому термину *to be the face of the case/lawsuit* (досл. «лицо дела/иска»), содержащему в своей семантической структуре антропоморфную метафору *face*, поэтому для установления значения терминологической единицы мы обратились к примерам её употребления в правовом контексте:

1) *He also was an attorney for the plaintiffs and the public **face of the lawsuit** initiated against the High Point Board of Education to desegregate the public schools (24);*

2) *After a few chats, McDonald agreed to become **the face of the lawsuit** (26).*

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что англоязычный термин *to be the face of the case/lawsuit* может иметь следующие переводные соответствия: «вести дело», «вести иск», «быть ведущим адвокатом по делу».

Контекстный анализ также показал, что в некоторых случаях «лицом дела» может называться ведущий истец в групповом иске:

1) *The board heard from Jamarria Hall, one of the plaintiffs who **has been the face of the lawsuit*** (31);

2) *The class must also appoint a class representative, which is a person who volunteers to essentially **be the face of the lawsuit*** (25).

Поскольку в русском языке термина со сходным или иным образным компонентом, который бы передавал значение исходного термина, не существует, переводчик подбирает наиболее близкое по значению нейтральное словосочетание «вести дело».

Выводы по главе 2

В ходе исследования было проанализировано 310 примеров перевода юридических терминов-метафор с английского языка на русский на материале телевизионных сериалов жанра юридической драмы.

Анализ показал, что наиболее частыми способами перевода юридических метафор являются опущение и нейтральная замена (172 примера – 55,5%). Это объясняется тем, что в рамках аудиовизуального перевода переводчики обычно стремятся к упрощению текста и к сокращению длины получаемых терминологических единиц. Утрата образа вызвана необходимостью уместить текст перевода во временные рамки звучания речи говорящего персонажа и его нахождения в кадре.

Следующим по частотности употребления способом является описательный перевод (39 примеров – 12,6%). Несмотря на такой минус использования данного способа, как большая длина лексической единицы, приводящая к громоздкости предложений и текста в целом, описательный перевод представляется нам одним из наиболее адекватных способов передачи безэквивалентных юридических терминов-метафор.

В стольких же случаях (39 примеров – 12,6%) переводчику удавалось сохранять образность терминологической единицы. Образ исходной терминологической единицы был эквивалентен образу переводного соответствия в тех случаях, когда переводчик имел дело с такими терминами, в процессе создания которых носители русского языка и носители английского языка опирались на эквивалентные исходные понятийные области и образы.

В редких случаях (38 примеров – 12,2%) перевод был основан на отличном образе, т.е. исходный образ был заменён на образ, близкий принимающей культуре.

Одним из наименее используемых способов является дословный перевод терминов-метафор (12 примеров – 3,9%). В большинстве случаев

дословного перевода полученная терминологическая единица оказывалась непонятной реципиентам.

Реже всего при переводе исходной метафоры переводчик использовал в качестве переводного соответствия русскоязычную метафору, основывающуюся на ином схожем образе (10 примеров – 3,2%).

Заключение

Цель данного исследования заключалась в изучении способов аудиовизуального перевода юридических терминов-метафор с английского языка на русский.

Для достижения поставленной цели были изучены особенности аудиовизуального перевода, определены понятия юридической терминологии и метафоры, выявлено место юридической метафоры в системе юридической терминологии, рассмотрена специфика аудиовизуального перевода юридических терминов, в частности терминов-метафор.

В ходе сопоставительного анализа были определены доминирующие подходы к аудиовизуальному переводу юридических метафор с английского языка на русский, выявлены ошибки, допущенные переводчиками. Проведённый анализ показал, что юридические метафоры в кинотексте представляют богатый материал для исследования. Особый интерес вызывают те англоязычные термины-метафоры, для которых в российской правовой системе переводные соответствия отсутствуют.

Было установлено, что в процессе аудиовизуального перевода переводчики также сталкиваются со сложностями, связанными с техническими особенностями данного вида перевода. Переводчик не всегда может прибегнуть к описательному переводу ввиду временных ограничений звучания речи персонажа. Этим объясняется тенденция переводчиков опускать метафоры при переводе или заменять их на нейтральные слова и словосочетания.

Исследование может быть продолжено: нами был проанализированы примеры перевода юридических метафор, отобранные методом сплошной выборки на материале американских телевизионных сериалов. Исследуемый материал можно расширить, включив в него примеры не только из американских, но и британских телевизионных сериалов.

Список использованной литературы

I. Научная литература и учебные пособия

1. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты.//Вопросы языкознания. – 1986, №6 – С. 38-49.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – СПб.: Академия, 2004. – 352 с.
3. Алексеева Л.М. Термин и метафора. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 250 с.
4. Антонова О.В. Метафора в юридическом дискурсе как переводческая проблема.//Материалы VII Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». – 2005. – Электронный ресурс, URL: http://www.utr.spb.ru/Doc/Fyodorov%202005_thesis.htm (Дата обращения: 30.08.2020)
5. Артемов В.Ю., Голованова Н.А., Кубанцев С.А. Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции: научно-практическое пособие. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. – 144 с.
6. Арутюнова Н.Д. Дискурс.//Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
7. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
8. Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: допустимость доказательств. 2-е изд., пер. и доп. Учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2019 – 204 с.
9. Борисова Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики.//Язык, коммуникация и социальная среда. – 2016, №14. – С. 133-151.

10. Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом.//Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014, №3. – С. 25-57.
11. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. Издание второе, переработанное. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 2005. – 429 с.
12. Гаврилова И.А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии.//Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019, №21 (2) – С. 504-512.
13. Гайнутдинова Д.З. Сопоставительный анализ структурных особенностей терминов-метафор архитектурно-строительного подъязыка (на материале русского и английского языков).//Гуманитарные и социальные науки. – 2017, №4 – С. 92-100.
14. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
15. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
16. Горшкова В.Е. Особенности перевода фильмов с субтитрами.//Сибирский журнал науки и технологий. – 2006, №3 (10) – С. 141-144.
17. Горшкова В.Е. Художественный кинодиалог vs документальный: жанровая специфика перевода.//Вестник РУДН. Лингвистика. – 2016, Т. 20, №3 – С. 243-259.
18. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
19. Ефремов А.А. Когнитивные и структурно-семантические особенности метафорических терминов (на материале терминологии американской нефтегазовой отрасли): дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2013. – 211 с.

20. Ибрагимова К.Н. Межъязыковые лакуны в юридическом дискурсе и лингвокультурные аспекты их элиминирования (на материале англо-русского перевода): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 221 с.
21. Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса.//Политическая лингвистика. – 2007, №3 (23) – С. 134-137.
22. Калашникова С.В. Лингвистические особенности юридического дискурса.//Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2016, №16 (2) – С. 216-218.
23. Капшутарь Е.С., Филиппова М.М. Особенности перевода современных англоязычных терминов права.//Научный диалог. – 2016, №10 (58) – С. 41-53.
24. Карасик В.И. О типах дискурса.//Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
25. Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода.//Царскосельские чтения. – 2013, №XVII – С. 374-381.
26. Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дисс. ... канд. пед. наук. – М., 2019. – 234 с.
27. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках Школы аудиовизуального перевода.//Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2015, №3 (13) – С. 3-24.
28. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
29. Комиссаров В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. – М.: Высшая школа, 1990. – 127 с.
30. Константинова М.В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Курск, 2011. – 25 с.

31. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры.//Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015, №7 (1) – С. 61-68.
32. Крапивкина О.А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Иркутск, 2011. – 20 с.
33. Крапивкина О.А., Непомилов Л.А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства.//Гуманитарные научные исследования. – 2014, №9 – Электронный ресурс, URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (Дата обращения: 25.08.2020)
34. Кустова О.Ю. Поликодовость текста как фактор стратегии перевода кинофильма.//Актуальные направления научных исследований: от теории к практике : материалы III Междунар. науч.–практ. конф. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 279-282.
35. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практич. пособие – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 359 с.
36. Левитан К.М. Юридический перевод: основы теории и практики. – М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – 352 с.
37. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
38. Лескина Э.И. Гражданские процессуально-правовые метафоры в сфере доказывания.//Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018, №2 (42) – С. 209-212.
39. Литвина Д.В. Особенности перевода юридических терминов и реалий в художественных фильмах.//Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2007, №1 – С. 145-154.
40. Лукьянова С.В. К вопросу о типологии дискурса.//Вестник Псковского государственного университета. – 2016, №3 – С. 150-154.

41. Лутков Е.А. Мультиформатность аудиовизуального перевода.//Вестник ВолГУ. Исследования молодых ученых. – 2016, №14 – С. 163-167.
42. Лыкова Н.Н. Генезис языка права: начальный этап (на материале французских и русских документов X-XV веков): монография. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2005. – 308 с.
43. Лыкова Н.Н. Метафора в терминологии права (на материале старофранцузских источников).//Вестник Челябинского государственного университета. – 2016, №4 (386) – С. 106-111.
44. Малёнова Е.Д. К определению понятия «аудиовизуальный перевод».//Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2019, №48 – С. 64-74.
45. Малёнова Е.Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт.//Коммуникативные исследования. – 2017, №2 (12) – С. 32-46.
46. Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. – М.: Новый Юрист, 1998. – 128 с.
47. Матасов Р.А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 211 с.
48. Матвеева Л.А., Матвеева Н.В. Метафорические термины в англоязычной терминосистеме тоннелестроения.//Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2017, №4 (30) – С. 29-33.
49. Мишанкина Н.А., Деева А.И. Нефтегазовая метафорическая терминология: асимметричность и эквивалентность перевода (на материале русского и английского языков).//Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2013, №6 (26) – С. 29-37.
50. Некрасова Т.П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык: Автореф. канд. филол. наук. – Москва, 2013. – 24 с.

51. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры.//Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-82.
52. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников.//Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010, №5 (2) – С. 535-540.
53. Пиголкин А.С. Язык права. – М.: Юридическая литература, 1990. – 192 с.
54. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
55. Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – 644 с.
56. Руднев Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка.//Научные записки из Жёлтого Дома. – 2001. – Электронный ресурс, URL: http://www.zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm (Дата обращения: 24.08.2020)
57. Русецкая Н.Н. Структурные концептуальные метафоры с областью цели money/деньги в английском и русском языках.//Современные инновации. – 2016, №3 (5) – С. 44-46.
58. Ступникова Л.В. Сущность и особенности юридического дискурса английского права.//Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2007, №519 – С. 213-220.
59. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.
60. Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса.//Язык, сознание, коммуникация. – 2004, №26 – С. 24-32.
61. Тихонова Н.Ю. К вопросу о переводе безэквивалентных терминов права.//Вестник КГУ. – 2018, №4 – С. 199-202.

62. Ускова Т.В. О неоднородном характере понятия «английский юридический дискурс»// Разновидности дискурса и обучение специальным языкам. – 2001. – С. 93–97.
63. Халилов В.М. «Орлы юриспруденции»: кино/телевизионная юридическая драма и её влияние на современную культуру и общество США// Россия и Америка в XXI веке. – 2015. – №3. – Электронный ресурс, URL: <https://rusus.jes.su/s207054760010565-8-1/> (Дата обращения: 10.01.2021)
64. Хижняк С.П. Англо-американская и русская терминология права: Социолингвистический аспект возникновения и развития. – Саратов: Редакт. отдел Сарат. академии права, 1997₁. – 78 с.
65. Хижняк С.П. Юридическая терминология: Формирование и состав. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997₂. – 136 с.
66. Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода или вечный поиск взаимопонимания. – М.: Валент, 1999. – 192 с.
67. Adler T. Why TV Procedurals Also Rule The World//Deadline Hollywood. – 2011. – Электронный ресурс, URL: <https://deadline.com/2011/06/why-tv-procedurals-also-rule-the-world-143539/> (Дата обращения: 10.01.2021)
68. Black M. Metaphor.//Proceedings of the Aristotelian Society – 1954, V. 55 – P. 273-294.
69. Cao D. Translating Law. – Clevedon/Buffalo/Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2007. – 189 p.
70. Díaz-Cintas J. Audiovisual Translation: An Overview of its Potential.// New Trends in Audiovisual Translation. – 2009. – P. 1-18.
71. Gambier Y. Audiovisual translation and reception.//Слово.ру: Балтийский акцент. – 2019, №1 – С. 52-68.
72. Harvey M. What’s so Special about Legal Translation?//Meta: journal des traducteurs. – 2002, V. 47(2) – P. 177-185.

73. Karamitroglou F. Towards a Methodology for the Investigation of Norms in Audiovisual Translation: The Choice Between Subtitling and Revoicing in Greece. – Amsterdam–Atlanta: Rodopi, 2000. – 300 p.
74. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 243 p.
75. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor.//Metaphor and Thought. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202-252.
76. Mandelblit N. The Cognitive View of Metaphor and its Implications for Translation Theory.//Translation and Meaning – 1995, №3 – P. 483-495.
77. Matkivska N. Audiovisual Translation: Conception, Types, Characters' Speech and Translation Strategies Applied.//Studies About Languages. – 2014, No 25 – P. 38-44.
78. Mattila H.E.S. Comparative Legal Linguistics. – Aldershot, England: Ashgate, 2006. – 347 p.
79. Neves, J. Audiovisual Translation: Subtitling for the Deaf and Hard-of-Hearing. – London: Roehampton University, 2005. – 357 p.
80. Newmark P. Approaches to Translation. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. – 202 p.
81. Nida E. Towards a Science of Translating. – Leiden: E. J. Brill, 1964. – 331 p.
82. Richards I.A. The Philosophy of Rhetoric. – New York: Oxford University Press, 1965. – 138 p.
83. Robinson J. The Laundrymen. – London: Simon & Schuster, 1998. – 384 p.
84. Van Dijk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. – London: Sage, 1998. – 365 p.

II. Словари и энциклопедии

85. Англо-русский словарь Мюллера – Электронный ресурс, URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/muller/> (Дата обращения 13.03.2021)

86. Англо-русский большой универсальный переводческий словарь – Электронный ресурс, URL: https://big_en_ru.academic.ru (Дата обращения 10.03.2021)
87. Англо-русский юридический словарь: Около 50000 терминов / С.Н. Андрианов, А.С. Никифоров, А.С. Берсон. – М.: Руссо, 1998. – 512 с.
88. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина – М: Олма Медиа Групп, 2007.
89. Кембриджский англо-русский словарь – Электронный ресурс, URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/> (Дата обращения 10.03.2021)
90. Контекстный русско-англо-русский словарь «Карта слов» – Электронный ресурс, URL: <https://en.kartaslov.ru> (Дата обращения 13.03.2021)
91. Малый академический словарь русского языка – Электронный ресурс, URL: <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (Дата обращения 09.03.2021)
92. Новый большой англо-русский словарь (НБАРС) – Электронный ресурс, URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan/ (Дата обращения 13.03.2021)
93. Толковый словарь Ожегова – Электронный ресурс, URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (Дата обращения 12.03.2021)
94. Универсальный англо-русский словарь – Электронный ресурс, URL: https://universal_en_ru.academic.ru (Дата обращения 13.03.2021)
95. Экономика и право: словарь-справочник – Электронный ресурс, URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/ (Дата обращения 10.03.2021)
96. APA Dictionary of Psychology – Электронный ресурс, URL: <https://dictionary.apa.org/> (Дата обращения 13.03.2021)
97. Cambridge Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://dictionary.cambridge.org> (Дата обращения 12.03.2021)

98. Collins Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://www.collinsdictionary.com> (Дата обращения 09.03.2021)
99. Farlex Financial Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://www.thefreedictionary.com> (Дата обращения 09.03.2021)
100. Investopedia Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://www.investopedia.com/terms/w/whistleblower.asp> (Дата обращения 12.03.2021)
101. Longman Dictionary of Contemporary English – Электронный ресурс, URL: <https://www.ldoceonline.com> (Дата обращения 13.03.2021)
102. Macmillan Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://www.macmillandictionary.com> (Дата обращения 10.03.2021)
103. Merriam-Webster Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://www.merriam-webster.com> (Дата обращения 10.03.2021)
104. The Free Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://www.thefreedictionary.com> (Дата обращения 09.03.2021)
105. The People’s Law Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://www.thefreedictionary.com> (Дата обращения 09.03.2021)
106. USLegal Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://definitions.uslegal.com> (Дата обращения 10.03.2021)
107. West’s Encyclopedia of American Law – Электронный ресурс, URL: <https://www.thefreedictionary.com> (Дата обращения 09.03.2021)
108. Wex Dictionary – Электронный ресурс, URL: <https://www.law.cornell.edu/wex> (Дата обращения 10.03.2021)

III. Законы и материалы судебной практики

109. Кассационное определение Верховного суда Республики Хакасия от 09.06.2004 № 22-653/04 – Электронный ресурс, URL: https://sudpraktika.com/sudtext1/sudobur_8061.htm (Дата обращения 16.03.2021)
110. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс»

111. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс»

112. Постановление Правительства РФ от 8 мая 2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учёта и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» – Электронный ресурс, URL: <http://base.garant.ru/71018836/> (Дата обращения 21.03.2021)

113. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс»

114. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс»

Список источников материала

1. “How to Get Away with Murder”, ABC – 2014-2020
2. “The Defenders”, CBS – 2010-2011
3. “The Good Fight”, CBS – 2017
4. “The Good Wife”, CBS – 2009-2016
5. «Как избежать наказания за убийство» – Перевод студии «Кириллица» по заказу телеканала FOX
6. «Фишки. Деньги. Адвокаты» – Перевод кинокомпании SET Russia
7. «Хорошая борьба» – Перевод студии «Amedia»
8. «Хорошая жена» – Перевод кинокомпании Universal Russia
9. 11 Ways the Wealthy and Corporations Will Game the New Tax Law – Электронный ресурс, URL: [https://www.americanprogress.org/issues/economy/reports/2018/07/25/453981/11-ways-wealthy-corporations-will-game-new-tax-law//](https://www.americanprogress.org/issues/economy/reports/2018/07/25/453981/11-ways-wealthy-corporations-will-game-new-tax-law/) (Дата обращения 11.03.2021)
10. Ахмедшин Р.Л. Тактика допроса иностранных граждан.//Вестник Томского государственного университета – 2015, №391 – С. 155-159 –

Электронный ресурс, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktika-doprosa-inostrannyh-grazhdan> (Дата обращения 13.03.2021)

11. Безмэрная власть – Электронный ресурс, URL: https://www.gazeta.ru/comments/2010/09/09_x_3417653.shtml (Дата обращения 21.03.2021)

12. Доклады Генерального Секретаря по Судану и Южному Судану № S/PV.7710 – Электронный ресурс, URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.7710> (Дата обращения 21.03.2021)

13. Закон о диких животных в КНР: есть нельзя, но как лекарство – можно. – Электронный ресурс, URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51677643> (Дата обращения 20.03.2021)

14. Золотой парашют не раскрылся: суды получили право отменять компенсации топ-менеджерам – Электронный ресурс, URL: <https://pravo.ru/review/view/119113/> (Дата обращения 21.03.2021)

15. Иммунитет государственных должностных лиц от уголовного преследования. Меморандум Секретариата ООН № A/CN.4/596 – Электронный ресурс, URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/49916e572.pdf> (Дата обращения 21.03.2021)

16. Лазарев В. Можно ли обойти закон?//Новая адвокатская газета – 2011, №6 – Электронный ресурс, URL: <http://base.garant.ru/59602821/> (Дата обращения 11.03.2021)

17. Морозова Е.В. Особенности ситуационного подхода к производству допроса на стадии предварительного расследования преступлений.//Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека – 2016, №5 – С. 137-141 – Электронный ресурс, URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25752724&> (Дата обращения 13.03.2021)

18. Следственные органы продлили до августа расследование уголовного дела в отношении бывшего вице-губернатора Челябинской области – Электронный ресурс, URL: <https://www.znak.com/2014-04->

18/sledstvennyye_organ_y_prodlili_do_avgusta_rassledovanie_ugolovnogogo_dela_v_otnoshenii_byvshego_vice_gub (Дата обращения 23.03.2021)

19. Смашникова Т.Б. «Золотой парашют»: некоторые аспекты регулирования трудовым законодательством РФ компенсационных выплат руководителю.//Научный диалог. – 2013, №7 (19) – С. 89-96.

20. Стратегия и тактика защиты адвокатом по уголовному делу – Электронный ресурс, URL: <https://evgero.com/strategiya-i-taktika-zashhity/> (Дата обращения 20.03.2021)

21. Суд Кувейта приговорил россиянку к 15 годам тюрьмы – Электронный ресурс, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4155615> (Дата обращения 23.03.2021)

22. Царев В.В., Кантарович А.А. Оценка стоимости бизнеса: теория и методология: учебное пособие. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 569 с.

23. Что нужно знать лицу, вовлеченному в корпоративный конфликт? – Электронный ресурс, URL: <https://lfsp.ru/poleznaya-informatsiya/chto-nuzhno-znat-litsu-vovlechenному-v-korporativnyj-konflikt/> (Дата обращения 20.03.2021)

24. A Giant Among Men: Sammie Chess, Jr. – Электронный ресурс, URL: <https://judicature.duke.edu/articles/a-giant-among-men-sammie-chess-jr/> (Дата обращения 23.03.2021)

25. Antitrust Lawyer Representing Businesses and Consumers in Antitrust Litigation – Электронный ресурс, URL: <https://www.glancylaw.com/practices/antitrust/> (Дата обращения 23.03.2021)

26. Chicago Man Stands Up for Right to Bear Arms – Электронный ресурс, URL: https://www.aarp.org/politics-society/rights/info-05-2010/chicago_man_stands_up_for_right_to_bear_arms.html (Дата обращения 23.03.2021)

27. Juror charged with bribery in Jamaica murder trial – Электронный ресурс, URL: <https://apnews.com/article/946077e5e93b4b308df04ed5f4d2c143> (Дата обращения 21.03.2021)

28. Justice Dept. drops suit accusing Yale of bias against Asian and White applicants – Электронный ресурс, URL: https://www.washingtonpost.com/local/education/yale-admissions-lawsuit-dropped/2021/02/03/2e96ecbe-6646-11eb-8c64-9595888caa15_story.html (Дата обращения 21.03.2021)
29. Litigating FBAR Penalties: The Burden of Proof and the Meaning of Willfulness – Электронный ресурс, URL: <https://freemanlaw.com/litigating-fbar-penalties-burden-proof-meaning-willfulness/> (Дата обращения 20.03.2021)
30. Morse & Morse. Attorneys at Law – Электронный ресурс, URL: <https://www.morselegal.com> (Дата обращения 20.03.2021)
31. Protesters plan a ‘car parade’ outside Whitmer’s house, pushing her to quickly settle the right-to-read lawsuit – Электронный ресурс, URL: <https://detroit.chalkbeat.org/2020/5/12/21256153/whitmer-lawsuit-literacy-car-parade> (Дата обращения 23.03.2021)
32. Reports of Cases Argued and Determined in the Supreme Court, at Special Term: With the Points of Practice Decided from Oct. Term, 1844, to Sept. Term, 1845 – Электронный ресурс, URL: <https://books.google.ru/books?id=xQVDAQAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=r#v=onepage&q&f=false> (Дата обращения 23.03.2021)
33. RiverTowns – Электронный ресурс, URL: <https://www.rivertowns.net/opinion/letters/4286283-letters-editor> (Дата обращения 16.03.2021)
34. Transactional Immunity for Witnesses – Электронный ресурс, URL: <https://www.findlaw.com/criminal/criminal-procedure/transactional-immunity-for-witnesses.html> (Дата обращения 20.03.2021)
35. What is a Whistleblower? – Электронный ресурс, URL: <https://www.whistleblowers.org/what-is-a-whistleblower/> (Дата обращения 21.03.2021)

36. What Is The Burden Of Proof In Criminal Cases? – Электронный ресурс, URL: <https://www.niccocapozzilaw.com/articles/what-is-the-burden-of-proof-in-criminal-cases> (Дата обращения 21.03.2021)

37. White Collar Crime Lawyer – Электронный ресурс, URL: <https://www.thedadvocates.com/white-collar-crime-lawyer> (Дата обращения 20.03.2021)

38. Wildlife act shows teeth in Amboseli – Электронный ресурс, URL: <https://biglife.org/program-updates/bush-journal/wildlife-act-shows-teeth-in-amboseli> (Дата обращения 16.03.2021)

39. Witness Says Tip He Gave Went Unused in Skakel Trial – Электронный ресурс, URL: <https://www.nytimes.com/2007/04/19/nyregion/19skakel.html> (Дата обращения 21.03.2021)

Список сокращений

1. ГПК РФ – Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации
2. КИНЗУ – Как избежать наказания за убийство
3. ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации
4. УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации
5. УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
6. ФДА – Фишки. Деньги. Адвокаты
7. ХБ – Хорошая борьба
8. ХЖ – Хорошая жена
9. HTGAWM – How to Get Away with Murder
10. TD – The Defenders
11. TGF – The Good Fight
12. TGW – The Good Wife

Приложение «Способы перевода терминов-метафор»

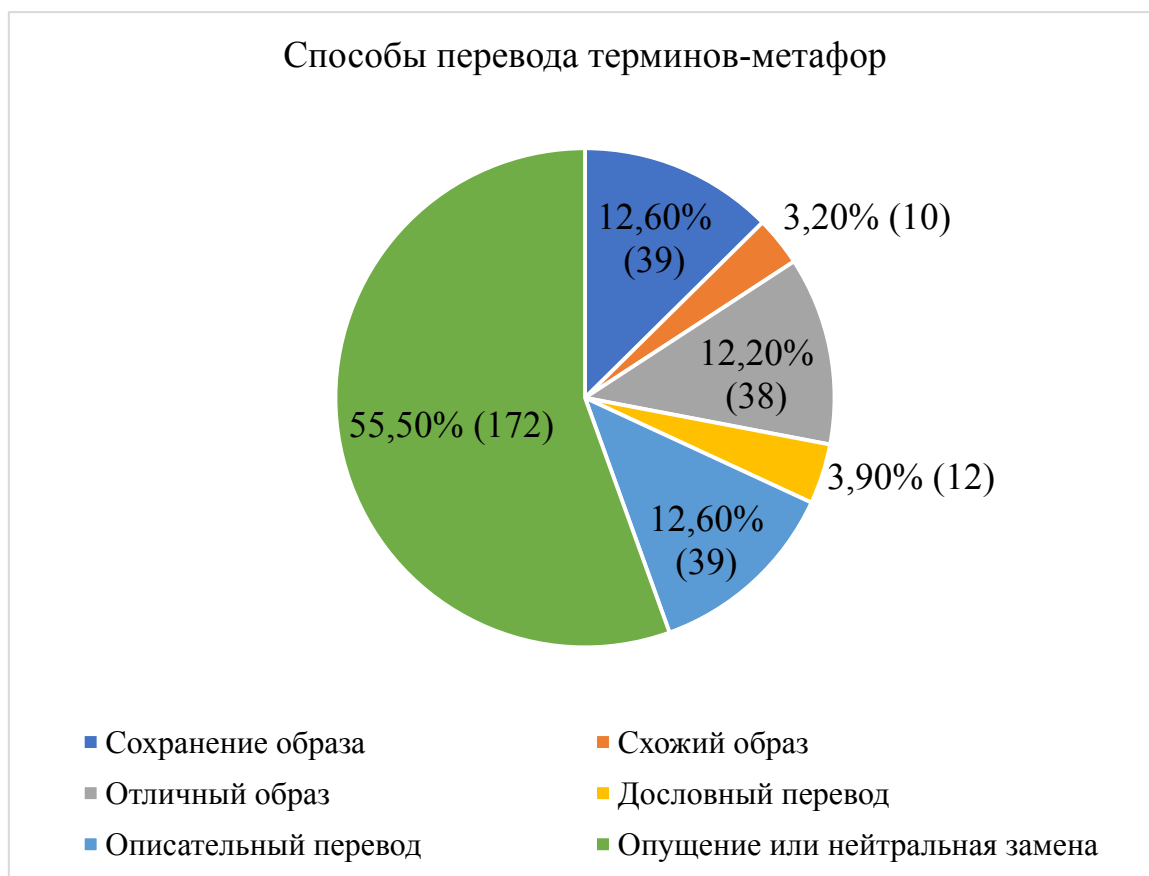

Диаграмма 1. Частотность использования способов аудиовизуального перевода терминов-метафор